НГУЕН ЗУ

Киеу

Стенания истерзанной души

Издательство «Общественные науки»

Издание книги смогло осуществиться благодаря помощи
Академии общественных наук Вьетнама
и при поддержке спонсора **Хоанг Ван Виня** (Hoàng Văn Vinh)
Генерального директора фирмы «Золотой Дракон»
(город Екатеринбург, Российская Федерация)

Организатор перевода и редактирования:
Нгуен Хыу Хоанг (Nguyễn Huy Hoàng)
Перевод с вьетнамского:
Ву Тхе Кхой (Vũ Thế Khôi)
Поэтический перевод:
Василий Попов (Vasili Popov)
Редакторы:
Доан Ты Хюен (Đoàn Tử Huyến)
Анатолий Соколов (Anatoli Socolov)
Технический редактор и организатор издания:
Центр культуры и языков «Восток -Запад» (Ханой, Вьетнам)

Вступление: Нгуен Хыу Хоанг (Nguyễn Huy Hoàng)
Иллюстрации: Нгуен Тхи Хоп (Nguyễn Thị Hợp),
Ле Лам (Lê Lam), Нгуен Куок (Nguyễn Quốc)
и неизвестных авторов (Khuyết danh)
Обложка: Ван Шанг (Văn Sáng)

НГУЕН ЗУ

Киеу

Стенания истерзанной души

Издательство «Общественные науки»
Ханой - 2015

Памятник Нгуен Зу
(музей-усадьба Нгуен Зу, Хатинь)
Скульптор Ле Диинь Бао

Предисловие

В конце 2013 года была создана вьетнамско-российская группа по переводу поэмы Нгуен Зу «Киеу».

Перевод осуществлялся по книге, подготовленной профессором Нгуен Тхать Зянгом и выдержавшей во Вьетнаме семь изданий. На русском языке поэма называется «Киеу» и имеет подзаголовок «Стенания истерзанной души». Книга состоит из оригинального текста на вьетнамском языке и поэтического перевода на русском языке, оформлена иллюстрациями вьетнамских художников.

В процессе подготовки книги участники проекта обращались к опубликованным переводам поэмы «Киеу» на французском, китайском и английском языках.

Для лучшего понимания поэмы «Киеу» российскими читателями разного возраста, разных социальных групп и уровня образования во вступительной части этой книги даётся обзорная информация о жизни и

творческом пути поэта Нгуен Зу в контексте вьетнамского общества XVII – XVIII веков.

Там же изложено краткое содержание поэмы «Киеу», дан её литературоведческий анализ как произведения реалистического, отмеченного высоким чувством гуманизма, являющегося романом в стихах и считающегося энциклопедией жизни вьетнамского общества прошлого времени.

В работе над переводом поэмы Нгуен Зу всем участникам этого проекта – и переводчикам, и редакторам – пришлось пройти традиционный путь поиска и преодоления языковых трудностей, особенно в стремлении адекватно и полноценно передать на русском языке многочисленные фразеологизмы, пословицы, диалектизмы, цитаты и отсылки к другим произведениям, бытовавшие более двух с половиной столетий назад и в изобилии наполняющие эту великую книгу.

Самой главной задачей в нашей работе стало желание понять сложный текст этого гениального произведения и подготовить перевод, максимально близкий художественно и по смыслу к оригиналу, полностью передать содержание поэмы «Киеу», которая уже многие десятилетия волнует души читателей в разных странах мира.

Реализация этого проекта потребовала от всех участников проекта решения очень многих трудных проблем. В процессе перевода поэмы «Киеу» мы

следовали следующему принципиальному курсу: сначала был подготовлен и отредактирован литературный подстрочный прозаический перевод, а уже после второго этапа редактирования был создан поэтический перевод.

Поэтический перевод Василия Попова был тщательно сверен с прозаическим переводом Ву Тхе Кхоя, при этом учли все мнения и замечания участников проекта, и в результате одобрение получил поэтический текст, представленный в данной книге.

В поэме «Киеу» насчитывается более трёх тысяч образов, аллюзий, отсылок, цитат, пословиц, поговорок и заимствований из старокитайского языка. Поскольку перевод поэмы «Киеу» не носит справочного характера, у нас не было намерения комментировать все эти образы и художественные фигуры, присутствующие в тексте, мы стремились разъяснить их уже в самой поэтической фразе, чтобы помочь читателям понять смысл содержания. Примечания даются только в самом необходимом случае.

Количество строк в поэтическом русском переводе не обязательно точно соответствует оригинальному вьетнамскому тексту. Нумерация в русском переводе призвана помочь читателям следить за содержанием поэмы.

Второе название поэмы в буквальном переводе – «Новые душераздирающие стенания». До настоящего времени российские исследователи использовали название

«Стенания истерзанной души», вошедшее в научный оборот (учебники, монографии, словари) и ставшее привычным для средств массовой информации. Именно по этой причине решено оставить прежнее название.

Несмотря на то, что вьетнамские и российские участники проекта приложили много усилий, тем не менее, в переводе не удалось избежать недостатков, поэтому мы надеемся на искренние позитивные отклики читателей, в том числе и специалистов, чтобы в дальнейшем, при последующих изданиях поэмы «Киеу», учесть их и повысить качество перевода.

Данная книга – коллективный труд вьетнамских и российских переводчиков и исследователей, специалистов по вьетнамской и русской литературе, многие годы активно и плодотворно работающих на ниве обмена и распространения достижений русской и вьетнамской культур в наших странах.

Инициатор и руководитель проекта – Нгуен Хыу Хоанг (Nguyễn Hiu Hoàng), кандидат филологических наук, поэт, автор многих книг; провёл большую редакторскую работу над переводом поэмы «Киеу».

Автор прозаического перевода – Ву Тхе Кхой (Vũ Thế Khôi), вьетнамский переводчик, один из ведущих специалистов по русскому языку и литературе во Вьетнаме, заслуженный учитель СРВ.

Молодой, но уже получивший широкое признание российский поэт Василий Попов сумел художественно

ярко и точно передать на русском языке всё богатство этого шедевра вьетнамской литературы.

Основную редакторскую работу на всех этапах реализации проекта выполняли известный вьетнамский переводчик Доан Ты Хюен (Đoàn Tử Huyến) и российский вьетнамист, кандидат филологических наук Анатолий Алексеевич Соколов.

Желаем всем читателям приятного чтения русского перевода поэмы «Киеу», созданной выдающимся вьетнамским поэтом Нгуен Зу.

Участники проекта

Великий вьетнамский поэт Нгуен Зу и его поэма «Киеу»

История вьетнамской литературы началась в X веке. За прошедшие столетия эта литература дала миру много замечательных произведений, в том числе и поэму Нгуен Зу «Киеу», которая считается шедевром национальной словесности. В 1965 году Всемирный совет мира назвал Нгуен Зу выдающимся деятелем мировой культуры и принял решение торжественно отметить 200-летие со дня рождения вьетнамского поэта.

Нгуен Зу (Nguyễn Du), литературные псевдонимы То Ньы (Tố Như) и Тхань Хиен (Thanh Hiên), родился 23 ноября 1765 года (по лунному календарю, т.е. 3 января 1766 года по григорианскому) в столичном городе Тханглонг (Thăng Long, современный Ханой – Hà Nội) в семье феодального аристократа, но его настоящей родиной была деревня Тиендиен (Tiên Điền), уезд Нгисуан (Nghi Xuân), провинция Хатинь (Hà Tĩnh), расположенная в центральной части страны. Этот край дал Вьетнаму много выдающихся людей.

Отец будущего поэта – Нгуен Нгием (Nguyễn Nghiễm) успешно сдал конкурсные экзамены и получил звание

тиен ши (tiến sĩ), стал чиновником и дослужился до поста первого министра. Мать – Чан Тхи Тан (Trần Thị Tần) – была третьей женой Нгуен Нгиема, происходила из простой семьи. Как и глава семьи, братья Нгуен Зу также занимали важные посты при тогдашнем правящем дворе. Детство поэта прошло в безмятежной обстановке аристократической семьи.

В 1776 году скончался отец поэта, в 1778-м ушла из жизни мать. Осиротевший 13-летний Нгуен Зу стал жить в семье своего старшего брата Нгуен Кхана (Nguyễn Khản), который тогда занимал пост правителя провинции Шонтэй (Sơn Tây). Спустя несколько лет он был схвачен и обвинен правящим двором в причастности к заговору. В это время во вьетнамском обществе происходили грандиозные события: непрерывная смена правителей, активные военные действия, которые охватили Север и Юг страны. Семье Нгуен Зу тоже пришлось испытать многие трудности, покинуть родные места и переезжать с одного места на другое. Их родовой дом в деревне Тиендиен был сильно разрушен.

В 1783 году Нгуен Зу успешно прошел испытания на местном конкурсном экзамене на получение звания *ту тая* (tú tài) и занял скромную чиновничью должность. Его результаты на конкурсных экзаменах не были столь успешны, как у его отца и братьев.

В 1786 году Нгуен Зу женится на Доан Нгуен Тхи Хюэ (Đoàn Nguyễn Thị Huệ), дочери чиновника-конфуцианца и обладателя звания *тиен ши* Доан Нгуен Тхука (Đoàn Nguyễn Thục), который занимал пост императорского советника.

За годы взросления Нгуен Зу феодальный строй во Вьетнаме вступил в стадию упадка, различные силы и родовые группировки боролись друг с другом за власть, постоянно происходили дворцовые перевороты: династия Мак (Mạc) узурпировала власть, отстранив династию Ле (Lê), между ними возникла междоусобная война, в

династия Нгуенов (Nguyễn) закрепилась на всей центральной части Вьетнама. Две противоборствующие группировки – Чини (Trịnh) и Нгуены вели между собой непримиримую войну, которая длилась целое столетие. Бесчисленные бунты и восстания крестьян прокатились по всей стране, а их результатом стало крестьянское движение Тэйшонов (Tây Sơn).

В такой непростой социальной обстановке Нгуен Зу всячески старался устраниться от политического поприща. Он отправился на родину своей жены, а потом в деревню Тиендиен, стал вести уединенный образ жизни и заниматься творчеством. Нгуен Зу не поддерживал движение крестьян–повстанцев под предводительством Нгуен Хюэ (Nguyễn Huệ), которое развернулось под лозунгом «свергнуть князей Чинь и восстановить князей Ле». При этом он симпатизировал Нгуен Хюэ и высоко его ценил. В течение десяти лет Нгуен Зу находился вдали от столицы, был связан с жизнью крестьян, разделяя все трудности и лишения простого человека.

Осенью 1802 года движение повстанцев под предводительством Нгуен Хюэ было подавлено. При новом правителе династии Нгуен поэт был назначен начальником небольшого уезда, а спустя несколько месяцев стал начальником крупного уезда в одной из провинций, расположенных вокруг Тханглонга.

На карьерном пути у Нгуен Зу не было значительных постов, но все его служебные обязанности так или иначе были связаны с литературной и общественной деятельностью.

В 1813 году Нгуен Зу получил должность посланника и был направлен с посольством в Китай. Так императорский двор особо отметил Нгуен Зу, хотя тот не преуспел в конкурсных экзаменах, но был талантлив и знатного рода, в его семье уже были лауреаты таких конкурсов.

Спустя семь лет Нгуен Зу вновь был назначен на должность посланника и отправился в Китай, но внезапно заболел и скончался 16 сентября 1820 года в возрасте 54 лет.

Творчество Нгуен Зу и его поэма «Киеу»

История вьетнамского народа в прошлом связана с борьбой против китайских захватчиков. Феодальные династии Китая захватили Вьетнам и установили в нем свое владычество на более чем десять веков, вошедших в историю как период Северной зависимости. В 938 году в битве на реке Батьданг Вьетнам разбил флот южнокитайского царства Южная Хань. Это событие стало началом новой эры для нации: страна обрела независимость, завершилось китайское господство, сформировалось и развивалось вьетнамское феодальное государство.

С X века становление вьетнамской литературы происходило совместно с повсеместным распространением фольклора. Вьетнамская литература начинала с произведений на старокитайском языке *хан ван (Hán văn)*, а в XIII веке уже появляются первые литературные произведения, созданные на письменности *ном (Nôm)*, в основу которой было положено китайское иероглифическое письмо, приспособленное к фонетическим нормам вьетнамского языка того времени. В конце XIX – начале XX века с появлением латинизированной письменности *куок нгы (Quốc ngữ)* национальная литература стала использовать современный вьетнамский язык.

Вьетнамская литература на *хан ване* представлена целым рядом таких известных произведений, как, например, «Указ о переносе столицы» Ли Конг Уана (Lí Công Uẩn), «Родная страна Юга» Ли Тхыонг Киета (Lí Thường Kiệt), «Ода о реке Батьданг» Чыонг Хан Шиеу (Trương Hán Siêu), «Воззвание к военачальникам» Чан Куок Туана (Trần Quốc Tuấn), стихи Нгуен Бинь Кхиема (Nguyễn Bỉnh Khiêm) и других авторов, среди которых особо следует назвать «Великое воззвание об умиротворении китайцев» Нгуен Чая (Nguyễn Trãi).

За более чем десятивековой период китайского феодального владычества вьетнамская литература не могла не испытать влияния китайской культуры и китайской письменности *хан ван*. В течение длительного времени *хан ван* официально использовался вьетнамским императорским двором для составления различных документов и в литературном творчестве вьетнамской интеллигенции. И тем не менее Вьетнам не был полностью китаизирован, как это произошло с другими народами всего за несколько столетий.

Рождение письменности *ном* стало настоящей революцией в национальной культуре, цель которой – отказаться от *хан вана* и использовать национальный язык в литературном творчестве. Тогда и стали рождаться поэтические произведения, прежде всего поэмы, созданные на *номе*. В сокровищницу вьетнамской классической литературы вошли произведения таких известных авторов, как Нгуен Зя Тхиеу (Nguyễn Gia Thiều), Хо Суан Хыонг (Hồ Xuân Hương), Доан Тхи Дием (Đoàn Thị Điểm), Нгуен Хюи Ты (Nguyễn Huy Tự) и гения вьетнамской литературы Нгуен Зу.

Нгуен Зу в течение двух десятилетий создавал свои поэтические произведения на *хан ване* и *номе* – и когда жил в уединении, и когда пошёл на чиновничью службу, и когда отправился с посольством в Китай. На *хан ване* он написал «Собрание стихов Тхань Хиена» (Thanh Hiên thi tập 清軒詩集), созданных, главным образом, в годы, предшествовавшие его чиновничьей службе при дворе правителей Нгуенов; «Разнообразные стихи, написанные на Юге» (Nam trung tạp ngâm 南中雜吟), относящиеся к

периоду его чиновничьей службы в императорской столице Хюэ и в провинциях Центрального Вьетнама; «Пространные записи во время поездки на Север» (Bắc hành tạp lục 北行雜錄), связанные с его пребыванием в Китае.

Три сборника стихов Нгуен Зу на *хан ване* насчитывают 249 стихотворений, отразивших его взгляды, идеи, мировоззрение, личные качества и талант. Первые два сборника проникнуты состоянием грусти и душевной боли, содержат размышления поэта о житейских делах и обществе. В третьем сборнике – «Пространные записи во время поездки на Север» – наиболее ярко проявились чувства и особенности мировоззрения Нгуен Зу, в этих стихах он воспел и прославил высокое человеческое достоинство, подверг критике феодальное общество, в котором подавляются и попираются человеческие права. Так же как другие великие писатели критического реализма мировой литературы, Нгуен Зу сочувствует и сопереживает маленькому человеку, задавленному и страдающему, оказавшемуся на дне общества.

Помимо своего шедевра – поэмы «Киеу» (Kiều), Нгуен Зу создал ряд произведений на *номе*, в том числе и «Молитву обо всех умерших душах» (Văn tế thập loại chúng sinh), также известную под названием «Поминальное слово по странствующим душам» (Văn chiêu hồn). Это произведение состоит из 184 строк и написано традиционным вьетнамским поэтическим размером *шонг тхат люк бат (song thất lục bát)*.

Два других произведения Нгуен Зу – «Ответ юноши с улицы островерхих шляп» (Thác lời trai phường Nón) и «Живое поминальное слово о двух девушках из Чыонглыу» (Văn tế sống hai cô gái Trường Lưu) – написаны поэтическим размером *люк бат (lục bát)*, который потом был использован им при написании поэмы «Киеу». Эти стихотворения, рассказывающие о любви

юноши из мастерской по изготовлению островерхих шляп и девушки-ткачихи, наследуют традицию фольклорных произведений из провинции Нгетинь, родины двух великих поэтов – Нгуен Зу и Нгуен Хюи Ты (1743–1790).

Поэма «Киеу» – главное произведение в творческом наследии Нгуен Зу – была создана между 1804 и 1809 годами, когда поэт находился на чиновничьей службе в одной из провинций на Юге страны. Бытует мнение, что Нгуен Зу написал её уже после посольской службы в Китае в 1814–1820 годах. Многие исследователи считают более обоснованной и вероятной первую версию.

Поэма известна под названием «Стенания истерзанной души» (Đoạn trường tân thanh, в буквальном переводе – «Новые душераздирающие стенания»), была написана на *номе* и содержит 3254 строки, зарифмованные размером *люк бат*. Этот традиционный поэтический размер широко используется во вьетнамской литературе: первая строка содержит шесть слов, а вторая – восемь слов, связанных между собой непрерывной рифмой.

Поэма была напечатана и распространялась ещё при жизни Нгуен Зу как в виде текстов, переписанных от руки, так и устно. До нашего времени сохранились экземпляры, напечатанные на *номе* и относящиеся к 1872, 1879 и 1905 годам; первые экземпляры на *куок нгы* появились тоже довольно рано – после 1875 года, затем постоянно печатались, особенно с начала XX века.

Нгуен Зу, создавая свою поэму «Киеу», заимствовал сюжет из романа «Повествование о Цзинь, Юнь и Цао» (金云翘传), который относится к концу XVI – началу XVII века и был написан неким китайским литератором, скрывшим свое истинное имя под псевдонимом Циньсинь Цайжэнь (青心才人). В основу этого произведения была положена реальная история, случившаяся в тогдашнем китайском обществе. Тем не менее «Повествование о Цзинь, Юнь и Цао» – довольно заурядное произведение

китайской средневековой литературы, а поэма Нгуен Зу является настоящим шедевром. Вьетнамский литературовед Нгуен Кам Сюен (Nguyễn Cẩm Xuyên), известный своими исследовательскими трудами о поэме «Киеу», справедливо отмечал: «Книга талантливого китайского автора Циньсинь Цайжэня на многие века оказалась погребенной в истории китайской литературы, и с конца эпохи династии Мин (明) до 50-х годов XX века этот роман мало кому был известен». После того как поэма Нгуен Зу получила широкую известность и была переведена на французский, английский, немецкий, японский, китайский, чешский и другие языки, только тогда китайские исследователи, приложив немалые усилия, нашли у себя в стране роман «Повествование о Цзинь, Юнь и Цао» Циньсинь Цайжэня.

Тем не менее следует со всей определенностью отметить, что, несмотря на использование сюжета китайского романа, поэма «Киеу» Нгуен Зу не является подражанием ему, стилизацией или копией и, более того, не является переводом «Повествования о Цзинь, Юнь и Цао».

Сюжет поэмы «Киеу» строится по хронологическому принципу. События происходят в XVI веке, во времена правления китайской династии Мин и связаны с историей одной семьи – супругов из рода Вьонг (Vương), их сына и двух дочерей:

Чиновник жил тогда весьма богатый,
Он славен был и дожил до седин.
Росли потомки в доме бюрократа –
Две дочери-красавицы и сын.
Вьонг Куан продолжил род единый
И выбрал службу по стопам отца.

Обе дочери отличались исключительной красотой, старшую звали Тхюи Киеу (Thúy Kiều), или Киеу (Kiều), а младшую – Тхюи Ван (Thúy Vân), или Ван (Vân), «каждая прекрасна по-своему, и обе полны совершенства». Они

росли в небогатой семье, в которой царили гармония, уважение традиций, счастье.

Весной, когда наступает праздник чистого света *Тхань-минь (Thanh Minh)*, люди навещают могилы родственников и совершают ритуал – зажигают ароматные палочки, чтобы помянуть ушедших. Вьонг Куан (Vương Quan) и его сестры Киеу и Ван тоже отправились на прогулку. К концу дня они увидели одну заброшенную могилу у дороги:

И вот уж солнце к западу склонилось,
Лучи косые сквозь деревьев строй.
Сегодня сердце слишком часто билось,
Устали все – пора идти домой.
И сёстры взяли за руки друг друга,
Идут вдвоём по берегу ручья.
И солнце в небе – половина круга,
А на воде, как жёлтая свеча.
Вот переброшен мостик через воду.
У каменного выступа видна
Могила невысокая, за годы
Под землю вся почти ушла она.
Поломанная, жёлтая, кривая,
Печально выглядит на ней трава.
Как будто рана сохнет ножевая,
Забинтовать её должны слова.

Взволнованная рассказом брата о несчастной судьбе певицы Дам Тиен (Đạm Tiên), Киеу зажгла ароматные палочки на её могиле, и через мгновение душа женщины явилась перед ней. Она поведала Киеу, что в «Книге женской доли» есть и имя девушки, что её судьба предопределена и её ждут многие беды и невзгоды, и «трудная жизнь предопределена каждому живущему».

В тот же вечер Киеу встретила Ким Чонга (Kim Trọng), их земляка и друга её брата Вьонг Куана:

И он частенько ездил этим лугом –
Недалеко его родимый дом.
Семья прославилась богатством, честью.
Их знатный род в округе был один.
Ким был наследником всего поместья –
Завидный был жених и господин.

И хотя встреча была краткой, Ким Чонг и Киеу сильно полюбили друг друга, спрятав свои чувства в глубине души и никак не проявляя их для окружающих. Суровость норм конфуцианского поведения, моральные устои феодального общества не позволяли влюбленным открыть свои сердца друг другу. Сразу после расставания они испытали сильное душевное волнение и желание встретиться вновь, забыв обо всём на свете. И уже «никто не сможет разорвать шёлковую нить, связавшую их навсегда».

Ким Чонг решил быть ближе к любимой и поселился рядом с домом семьи Киеу под предлогом, что ему нужно тихое место для занятий. И вот представился случай: когда родители Киеу уехали навестить родственников, влюбленные встретились, поклялись друг другу в любви, быть вместе всю жизнь и не разлучаться. Но, к несчастью, Ким Чонг получил известие, что его дядя, живший в другой провинции, внезапно скончался. Поэтому юноша был вынужден расстаться с Киеу и, согласно принятым на Востоке обычаям, отправиться в далёкий путь, чтобы присутствовать на траурной церемонии.

В то же время для семьи Киеу события развивались самым неблагоприятным образом. Один торговец шёлком оклеветал её отца – его вместе с сыном схватили, подвергли жестоким пыткам и бросили в темницу:

Слова крепки у приказных рассыльных,
Глаза остры, ножи в руках блестят.
Должно быть, скучно в кабинетах пыльных
Сидеть и протирать свой толстый зад.
Они надели на Выонг Куана

И на его несчастного отца
Колодки шейные и, как охрана,
Держали нож и палку у лица.

В такой ситуации Киеу была вынуждена продать себя в наложницы некоему Ма Зям Шиню (Mã Giám Sinh), чтобы выкупить отца и освободить его от тюремного заточения:

Полна решимости, Киеу взвыла:
«Позвольте мне себя преподнести,
Я продаю себя!.. Я так решила,
Хочу отца от гибели спасти».

Женитьба на Киеу была ненастоящей, в действительности Ма Зям Шинь был торговцем живым товаром. Он купил девушку, чтобы передать её в «зелёный терем» (публичный дом), где хозяйничала баба Ту Ба (Tú Bà). Оказавшись там, Киеу решительно отказалась принимать гостей. Подручный Ту Ба – Шо Кхань (Sở Khanh) задумал обмануть девушку и подговорил её бежать из этого дома. Однако Киеу была схвачена, жестоко избита и вынуждена заняться этим позорным ремеслом.

В такое трудное время Киеу встретила парня Тхук Шиня (Thúc Sinh), который приехал развлечься в деревню, где находился «зелёный терем». Этот молодой торговец сильно увлёкся красавицей и заплатил Ту Ба большую сумму денег, чтобы выкупить Киеу. Казалось бы, в жизни Киеу должна открыться новая страница, ведущая к счастью, но скоро нагрянула новая беда. Из самых добрых побуждений Киеу уговорила Тхук Шиня поехать домой и навестить свою жену Хоан Тхы (Hoạn Thư), так как долгое время супруги не виделись.

Узнав об отношениях между своим мужем и Киеу, Хоан Тхы пришла в ярость, приказала слугам схватить Киеу и привезти к ней. Так ещё до возвращения Тхук Шиня домой Киеу стала прислугой в его доме,

вынужденной выполнять все прихоти злой хозяйки. Хоан Тхы часто заставляла Киеу играть на лютне и петь во время семейных пиршеств:

Хозяйка властно ей рукой махнула,
И вот Киеу, хоть едва жива,
Собралась с духом, лютню притянула
И музыка рекою потекла.

Будучи не в состоянии больше терпеть такие мучения, Киеу ночью бежала из дома Хоан Тхы и спряталась в буддийском храме. Ей помогли перебраться в другое место, но несчастья преследовали красавицу. На этот раз Киеу попала в руки двух негодяев – Бак Ха (Bạc Hà) и Бак Хань (Bạc Hạnh), которые тоже занимались торговлей людьми, поставляя живой товар в «весёлые дома».

Оказавшись в очередном «зелёном тереме», Киеу встретила Ты Хая (Từ Hải), воина-бунтаря, восставшего против правящей династии.

Явился гость. Доспехи из металла,
В груди не сердце – камень от луны.
Широкоплеч, с усами, как у тигра,
Как шелкопряды, брови на лице.
Ему нет равных ни в военных играх,
Ни там, где бьют из лука точно в цель.
Жил своевольно, много где поездил,
Богатырём был знатным и бойцом.
Всё в этой жизни испытал и взвесил,
Слыл настоящим в жизни мудрецом.

Ты Хай полюбил Киеу и забрал её из «зелёного терема». Избавившись от позорной жизни и страданий, она считала его своим любимым, близким и надежным другом, благодетелем. Благодаря Ты Хаю красавица

вновь обретает своё человеческое достоинство, благодаря ему исполняется её давнее желание: наградить достойных, а злодеям воздать по заслугам. Тех, кто помогал ей на жизненном пути, полном трудностей и бед, она отблагодарила и покарала тех, кто её терзал, приносил ей горе, толкал в мрачную трясину позорной жизни в «зелёном тереме».

Все долгие годы разлуки самые большие душевные страдания доставляли Киеу воспоминания о родителях. Её мечты о семье, о мирной и спокойной жизни были разрушены Хо Тон Хиеном (Hồ Tôn Hiến), важным военачальником, который выполнил приказ императорского двора и обманным путем одержал победу над предводителем восставших. Киеу посоветовала Ты Хаю сдаться императорским войскам, он послушал её и не стал вести боевые действия: «уже не гремят барабаны и не полощутся на ветру войсковые стяги».

Войска Хо Тон Хиена воспользовались благоприятным моментом и нанесли неожиданный удар, Ты Хай погиб на поле боя:

Ты Хай не сразу понял, что случилось.
Он был подобен тигру в западне.
Но бился он на смерть, а не на милость,
Как будто был на бронзовом коне.
Уже душа героя отлетела,
А он стоял, как прежде, на ногах.
И над землёю возвышалось тело,
И ужас поселяло во врагах.

Хо Тон Хиен выиграл сражение, погубил Ты Хая и жестоко унизил Киеу, заставив её стать женой одного мелкого местного чиновника. Потеряв всякую надежду, Киеу решила покончить жизнь самоубийством и бросилась в реку:

«Так пусть теперь за всё, в чём я виновна,
Глубокая река меня возьмёт».
И, поглядев на плещущие волны,
Киеу бросилась в пучину вод.

Однако Киеу была спасена буддийской монахиней Жак Зуен (Giác Duyên). Красавицу принесли в буддийский храм, который отныне стал её домом.

Семья Киеу после многочисленных потрясений и невзгод вернулась к обычной жизни, но не переставала тосковать и жалеть Киеу, от которой долгое время не было никаких известий. Вьонг Куан и Ким Чонг старательно учились, сдали конкурсные экзамены и получили назначения на чиновничьи должности. Ким Чонг по пожеланию Киеу взял в жёны её младшую сестру Ван, отправился на службу в те самые места, где раньше скиталась Киеу. Он искал возлюбленную повсюду и находил весточки о ней в разных местах:

Ким об отставке помышлял упорно,
Найти следы Киеу он хотел,
Он не жалел о роскоши придворной
И не боялся ни мечей, ни стрел.

Благодаря помощи монахини Жак Зуен Киеу стала жить в буддийском храме. И только спустя пятнадцать лет она встретилась со своей семьёй, и тем самым завершился путь её безмерных страданий.

Поэма «Киеу» – это реалистическая картина вьетнамского общества конца XVII – начала XVIII веков, когда жил и творил Нгуен Зу. В этом произведении показана трагическая судьба человека, достоинство которого было попрано обществом без счастливых семей, живущих благородно и порядочно, обществом, в котором властвуют клеветники и негодяи.

В своём произведении Нгуен Зу обнажил жестокую правду о бесправном феодальном обществе и показал основную причину разрушения семьи Киеу – это деньги и

страсть людей к наживе. Если бы отец Киеу заплатил чиновникам, то мог бы избежать тюремного заключения, и дело было бы улажено. Шо Кхань ради денег осуществил гнусный замысел Ту Ба и обманом подбил Киеу на побег… В поэме поэт выносит приговор обществу, которое безжалостно до такой степени, что прекрасная девушка, добродетельная душа, должна была продать себя в наложницы, чтобы выкупить своего отца из темницы. Именно так она оказалась на позорном пути. Однако чиновники-мздоимцы не хотели замечать случившегося, считая, что это обычная история. Как писали в старинных книгах: «Во всех четырёх частях страны царят спокойствие и тишина, везде тихо и спокойно, надёжно защищены столичные города». При этом повсюду открыты «зелёные терема», повсюду процветают подлецы и нечестные люди, начиная от торговцев живым товаром Ма Зям Шиня, Шо Кханя до важного императорского чиновника Хо Тон Хиена, и все они типичные представители фальшивого и лицемерного общества.

Показывая путь хождения по мукам своей героини, Нгуен Зу не только обличает прогнивший восточный феодальный строй, но также описывает различные слои вьетнамского общества. Как и «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, поэма «Киеу» – настоящая энциклопедия о жизни средневекового вьетнамского общества.

В беспросветную жизнь Киеу, полную страданий и тягот, Нгуен Зу принес светлую мечту о справедливости. Образ Ты Хая – отважного и благородного героя-бунтаря обретает важный смысл, он освобождает Киеу из порочного круга служения в «зелёном тереме», и она обретает надежду на семейный очаг, воссоединение с любимыми родителями, возвращение в свой родной дом.

Ты Хай преподнёс Киеу, пожалуй, самый важный урок: «зло должно быть наказано, а добро вознаграждено». В годы разлуки и скитаний, испытывая

взлёты и падения, Киеу встречала людей, которые доставляли ей страдания и боль, но также было немало людей, которые протягивали руку помощи и сострадали её бедам, выручали в трудной ситуации, помогали ей спастись от мучителей. Киеу хотела жить в соответствии с принципами справедливости, в согласии со своими нравственными представлениями, поэтому она не забыла о гуманных и благородных поступках людей, встретившихся в её жизни. Это Тхук Шинь, которого Киеу полюбила и который первым вызволил её из ада жизни в «зелёном тереме» Ту Ба; это буддийская монахиня Жак Зуен, пришедшая к ней на помощь в трудную минуту… А тех, кто предавал и обманывал её, кто стал олицетворением зла в обществе, Киеу при поддержке Ты Хая заставила заплатить за свои преступления.

Так же как и другие великие реалистические произведения мировой литературы, поэма «Киеу» – это не только зеркало, отразившее современную автору действительность, но и литература, наполненная глубоким гуманизмом. Плач автора о безрадостной женской судьбе исходит из сердца великого поэта, склонившего голову перед многочисленными страданиями своих соотечественниц.

В гармоничном обществе красивая и талантливая девушка, такая как Киеу, должна была бы жить радостно и счастливо, но в реальной жизни происходит наоборот: ей приходится пройти через унижения, трудности и страдания.

В соответствии с высокими моральными принципами вьетнамцев в характере типичной девушки должны обязательно присутствовать любовь и почитание родителей. Ради любви Киеу полностью пренебрегла суровыми нормами поведения феодального общества и «стремительно пересекла сад в одиночку», направляясь на свидание с любимым, которому дала клятву верности. А

когда ей пришлось продать себя в наложницы, чтобы выкупить и спасти отца, она не оправдывала себя и считала, что предала любимого, не сумев сохранить ему верность. Она совершила настоящий поступок, когда попросила свою младшую сестру Ван стать вместо неё женой Ким Чонга:

«Полно рыданий сердце, я стараюсь
Всё выдержать и вида не подать.
Но есть одно, чего я так стесняюсь
И даже, Ван, тебе боюсь сказать.
Но если это втайне всё оставить,
То я предам и друга и себя.
Сестра моя, мы можем всё исправить,
Одна надежда только на тебя.
Я кланяюсь тебе, садись же в кресло
И выслушай печальный мой рассказ.
Всё для меня померкло и исчезло,
Любить на свете можно только раз.
Он был таким красивым и высоким,
Обоих нас любви связала нить.
Но эта нить разорвана злым роком,
И я прошу её соединить.
Пообещай любовь мою продолжить,
Возьми вот эту брошь и мой наказ.
Никто не должен клятву уничтожить…»

Когда отец Киеу был несправедливо оклеветан и брошен в тюрьму, она, нисколько не раздумывая, продала себя в наложницы, чтобы выкупить его на свободу. В таком самопожертвовании и проявляется высокая мораль дочери, воспитанной в восточной семье. Длинными ночами, находясь далеко от родного дома, Киеу вспоминала о своих пожилых родителях, беспокоилась о их здоровье и лелеяла в душе надежду о том, что наступит день, когда они снова соберутся вместе:

И вновь воспоминанья выплывают,
Как облака на небе вдалеке,

И, став дождём, всю землю заливают,
Лишь оставляя кляксы на песке.
Прошло уж десять долгих лет скитаний.
Как там её родители живут?

В самой тяжелой ситуации Киеу сохраняла своё достоинство, и кажется, что никакая сила, никакая подлость, никакое злодейство не смогут заставить её пасть на колени и никакая грязь не сможет её запачкать и опозорить.

Согласно теории о противостоянии между талантом и судьбой, персонажи в поэтических произведениях Востока, особенно, когда речь идёт о талантливых людях и к тому же красивых внешне, всегда оказываются в несчастливой ситуации. В поэме «Киеу» Нгуен Зу неоднократно говорит, что талантливые и красивые люди должны платить высокую цену за те трудности и страдания, которые они встречают в своей жизни. Пророчески звучат слова поэмы о том, что если «девушка родилась красивой, то трудностей в жизни ей не миновать». Пятнадцать лет скитаний Киеу и есть подтверждение этого парадоксального постулата. Таким образом, причина любого человеческого счастья или несчастья, согласно этой теории, зависит от воли Неба.

В своих произведениях великий гуманист Нгуен Зу сострадает и сопереживает судьбе таких личностей, как Киеу. Несмотря на то что он в своей поэме, с одной стороны, считает, что Небо предопределяет все события в судьбе Киеу, но, с другой стороны, через описываемые образы и события, даёт понять, что причина бедствий семьи Киеу и бесчисленных страданий самой девушки в течение пятнадцати лет её скитаний кроется в этом бездушном и жестоком обществе. Нгуен Зу обращает

особое внимание на талант и красоту Киеу, которая ведет себя, следуя порывам любви. Поэт считает, что талантливый человек больше ориентирован на чувства, чем на разум.

Нгуен Зу осуждает бесчеловечный строй, который калечит людей, он хочет справедливого возмездия: зло должно быть повергнуто, а добродетель – восторжествовать. Ты Хай в поэме «Киеу» и есть надежда Нгуен Зу. Он мечтает о подобном герое, который может дать смысл жизни для женщины в антигуманном феодальном обществе, освободить её, преодолеть несправедливость, претворить в жизнь постулат «на зло отвечать злом, на добро – добром». К сожалению, эта мечта была разрушена гибелью Ты Хая.

Великая гуманистическая ценность поэмы «Киеу» состоит в воспевании духовной красоты женщины. После многочисленных лишений Киеу смогла соединиться с семьёй и обрела счастье в жизни. Счастливый конец поэмы является традиционным во вьетнамской литературе – в произведениях анонимных авторов и произведениях, написанных на *номе*; более того, он олицетворяет большие надежды человека, живущего в сложную и драматическую эпоху.

Когда Нгуен Зу пишет о людях с трудной и трагической судьбой, таких как Киеу и Дам Тиен, то он не стоит на позиции конфуцианца, он поднимается гораздо выше – на позиции поэта-реалиста. Он сознает, что посетители «зелёных теремов», покупающие любовь красивых барышень, это всего лишь жертвы, заслуживающие сострадания. И у этих женщин тоже есть талант, есть чувства – те качества, которым нет места в феодальном обществе и которые им же отвергаются. Несомненным достижением Нгуен Зу является то, что он увидел женщину как хранительницу многих духовных ценностей, как обладательницу таланта и любви, ведущих

её по дороге к свободе и раскрепощению. Нгуен Зу не боится создавать образ идеального героя, выходя за рамки литературных стандартов в соответствии с представлениями восточного общества. В эпоху Нгуен Зу общественное мнение считало Киеу падшей женщиной, но поэт убедительно показал, что его героиня олицетворяет небесную красоту, высокое человеческое достоинство, чистоту души; или говоря иначе: Добро будет вознаграждено и одержит победу. В этом прогрессивное значение буддийских взглядов Нгуен Зу.

Поэма «Киеу» написана в XVIII веке на вьетнамском языке *ном*, традиционным вьетнамским стихотворным размером *люк бат*, который использовался, главным образом, во вьетнамском фольклоре. Такие произведения отличаются поэтической свободой и проникновенным лиризмом. Только в начале XX века под влиянием французской романтической литературы во Вьетнаме родилась романтическая поэзия, тем не менее очевидно, что в поэме «Киеу» Нгуен Зу своеобразно использовал приемы психологического описания картин природы, чтобы передать внутреннее состояние героев и отобразить лирическое Я, преодолевая рамки эстетического идеала прошлых эпох. Возможно, его произведение стало поэтической прелюдией, первым шагом к романтизму во вьетнамской литературе.

Вот, например, картины, описывающие душевное состояние Киеу, которая, став наложницей, страдает от разлуки с семьей, с родителями:

Живёт одна Киеу. Вид прекрасен:
Поля, леса зелёные гурьбой.
В окне лежит дорога с пылью красной,
Накрытой круглой чашей голубой.
Со всех сторон бескрайние просторы,
Холмы глядят песчаной желтизной.
А где-то далеко сияют горы,
Но исчезают ночью под луной.

Или же:

Она глядела с грустью на приливы,
Что после ливня листьев нанесли.
И всё мелькал, мелькал ей день счастливый,
Что удержать с любимым не смогли.
Вдали виднелся парус чьей-то лодки
И туч сплошных густая синева.
Раздался рядом птичий крик короткий,
Ей показалось, что летят слова.
Она глядела с грустью на закаты,
Что над морским заливом свечи жгли.
И слушала, как бьются волн раскаты
О скалы острые чужой земли.

Ещё один пример описания природы в начале осени, когда Тхук Шинь прощается с Киеу перед тем, как отправиться домой к своей жене Хоан Тхы:

И разлилась беседа ароматом
Зелёных трав и спелых жёлтых слив.
И слёзы лились горько до заката,
И голосов печальный перелив.

Поэма «Киеу» состоит из 3254 строк, её сюжет развивается во времени, проходя через судьбы многих героев, описывая каждый шаг скитаний героини. С точки зрения жанра, критики определяют это произведение, как роман в стихах, ставя в один ряд с «Евгением Онегиным» А.С. Пушкина или «Дон Жуаном» Дж. Байрона.

Это произведение издавна занимает важное место в литературной жизни Вьетнама. Многие его персонажи служат для обозначения социальных типов, наделённых типическими чертами, это – Шо Кхань, Хоан Тхы, Ты Хай, которые обрели во Вьетнаме статус имен нарицательных.

Возможность обобщить различные ситуации и события в произведении побуждает читателей в своих поисках обращаться к поэме «Киеу», чтобы разделить радость и

горе, обрести утешение и надежду. Многие исследователи справедливо считают, что поэма «Киеу» – это своего рода вьетнамский «Ицзин», она охватывает многообразие и богатство всех сторон человеческой жизни, поэтому вьетнамцы продолжают использовать её как гадательную книгу.

В музыкальном фольклоре Вьетнама бытует специальный жанр «воспевание Киеу» – мелодекламация, создание стихов в подражание фрагментам из поэмы «Киеу»; в народном театре ставятся представления по мотивам и отдельным эпизодам поэмы; в живописи создано немало работ, как отдельных, авторских, так и иллюстраций к этому литературному произведению. Сюжет поэмы «Киеу» стал основой для многочисленных постановок вьетнамской классической оперы *туонг* и музыкального театра *кай лыонг*, сняты художественные фильмы – все эти события составляют масштабную панораму культурной жизни Вьетнама. Многие фразы, словосочетания из поэмы вошли в сокровищницу фольклорно-песенного жанра *ка зао*, стали пословицами и поговорками до такой степени, что порой трудно различить, где литературный материал, а где народное творчество.

Во вьетнамской литературе Нового и Новейшего времени поэма «Киеу» является предметом многих научных исследований и бурных дискуссий. На протяжении двух с половиной веков со времени своего создания это произведение считается выдающимся достижением вьетнамской литературы в силу своей истинной народности и глубокого национального характера. Благодаря поэтическому новаторству Нгуен Зу и совершённой им модернизации языка поэма внесла важный вклад в утверждение национальной словесности, создаваемой на вьетнамском языке.

Первый перевод поэмы «Киеу» был сделан на французский язык и издан в Париже в 1884 году, затем

последовали переводы на японский и китайский языки – в 1949-м, на чешский – в 1957-м и т.д. К настоящему времени существует свыше 20 переводов этого произведения на иностранные языки, помимо вышеназванных, были также сделаны переводы на английский, немецкий, шведский польский, монгольский и другие языки. Эта поэма – посланник вьетнамской литературы, она несёт в себе большие духовные ценности, помогает читателям в мире узнать и понять жизнь, обычаи, мораль и душу вьетнамцев.

В Советском Союзе и современной России поэма «Киеу» стала предметом исследований в академическом Институте востоковедения, изучалась и преподавалась в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО, Российском государственном гуманитарном университете, Санкт-Петербургском государственном университете, Дальневосточном государственном университете (Владивосток) и других высших учебных заведениях. Фрагменты поэмы, её краткое содержание включены в учебные курсы и программы отделений вьетнамского языка на восточных факультетах российских вузов. Защищены дипломные работы студентов-филологов, связанные с проблематикой поэмы «Киеу».

В своих работах поэму «Киеу» и литературное творчество Нгуен Зу анализировали многие российские ученые, как историки – Д.В. Деопик, А.Л. Федорин, А.В. Никитин, так и филологи – Н.И. Никулин, Л.З. Эйдлин, Б.Л. Рифтин, К.И. Голыгина, Т.Н. Филимонова, Е.Ю. Кнорозова, переводчики-вьетнамисты М.Н. Ткачев и И.П. Зимонина. Статьи о творчестве великого вьетнамского поэта Нгуен Зу публиковались в различных научных и литературно-художественных журналах. Высокая оценка поэме «Киеу» дана в «Истории мировой литературы», вышедшей под редакцией Г.П. Бердникова в 1988 году.

К настоящему времени неоднократно

предпринимались попытки перевода поэмы «Киеу» на русский язык. Высокую профессиональную оценку получили переводы отдельных фрагментов произведения Нгуен Зу, сделанные поэтом и переводчиком Аркадием Штейнбергом. Они были опубликованы в русскоязычной версии журнала «Вьетнам» (1988, № 5) и в антологии «Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама и Японии» (М.: Художественная литература, 1977). Позднее определенную работу по переводу поэмы «Киеу» проделали российские вьетнамисты Н.К. Соколовская и В.П. Ларин. Тем не менее до настоящего времени не было сделано полного перевода этого шедевра вьетнамской литературы на русский язык.

И вот сейчас, в канун 250-летия со дня рождения выдающегося деятеля вьетнамской литературы Нгуен Зу, в год 65-й годовщины установления дипломатических отношений между СССР и ДРВ, впервые подготовлен полный поэтический перевод поэмы «Киеу» на русский язык. И это есть наш духовный подарок братскому народу России.

Уверен, что это событие ещё больше укрепит связи и сотрудничество между русской и вьетнамской культурами, внесет вклад в дело дальнейшего развития дружеских отношений между двумя нашими странами и народами. Публикация русского перевода поэмы Нгуен Зу «Киеу» осуществила давнюю мечту многих российских исследователей и читателей познакомиться с шедевром вьетнамской литературы и приобщиться к богатой духовной культуре вьетнамского народа.

Нгуен Хыу Хоанг

Москва. Июль 2015 года

КИЕУ
Стенания истерзанной души

I

Судьба с талантом в жизни человека
Давно ведёт жестокую борьбу.
Кто скажет вам, что время лучший лекарь,
Тот ничего не знает про судьбу.
Коснись тутовника своей рукою –
Он плод тебе опустит не спеша,
А вскоре станет пустошью морскою…
О как болит от этого душа!
Немудрено: одно дано в избытке,

Другое – в недостатке расцветёт.
К тому же Небо девушек на пытки,
Всегда вперёд из ревности ведёт.

И вот сижу за тусклою лампадой,
В пыли листаю древний фолиант.
Тяжёлая судьба легла наградой
За яркий и божественный талант.
История любви давно минувшей,
История порядочной любви…
За сотни лет не стали люди лучше,
И руки наши всё ещё в крови.
Рассказывают строки: было время,
Когда во всех концах большой страны
Был прочный мир, и рисовое семя
Сажали все с весны и до весны.
Царили дни правления Жа Тиня[1],
Династия господствовала Мин.
Но, к сожалению, не это имя
Звучит теперь в названиях долин.
Чиновник жил тогда весьма богатый,
Он славен был и дожил до седин.

[1] Жа Тинь (русская транскрипция Цзяцзин (嘉靖, Чудесное умиротворение) – девиз годов правления (1521–1567) Ши-цзуна (世宗) из китайской династии Мин (明, 1368 –1644).

Она одна на этом белом свете
Земную выразила красоту.
Художник неизвестен.

Росли потомки в доме бюрократа –
Две дочери-красавицы и сын.
Выонг Куан продолжил род единый
И выбрал службу по стопам отца.
Какой художник вылепил из глины
Такие тонкие черты лица?
А две сестры – как тёплый ветер летний,
Они задуманы на небесах.
Хрупки, легки, как абрикоса ветви,
Чисты душой, как свежий снег в горах.
Ван – младшая, наполненная соком,
С улыбкой распустившихся мимоз.
И тучи в небе тёмном и высоком
Сравнятся разве с цветом тех волос.
А спит она на мягонькой перине,
Цветёт, как те весенние луга,
Свежа она, как ручеёк в долине,
И говорит – как сыплет жемчуга.
Киеу всё же выглядит приметней
И превосходит младшую сестру,
Она одна на этом белом свете
Земную выразила красоту.
Её глаза – прозрачные озёра,
Земля завидует её красе.
Любой цветок на счастье или горе
Вплетённым быть хотел в её косе.

А если взглянет – крепость пошатнётся,
Посмотрит дважды – царства в мире нет.
А если вдруг кому-то улыбнётся,
То словно хлынет с неба белый свет.
Она поёт, рисует и стихами
В полночный час вас может одарить.
Её слова летают с облаками,
Она умеет музыку любить.
Поистине возвышенны их лица,
Даны им вёсны, дан им дух и плоть,
Чтоб с выбором своим определиться
И волосы тугие заколоть.
Однако тихо в девичьих покоях,
Живут они спокойно и легко.
Лишь занавески трогают рукою,
Не обращая взгляд ни на кого.

II

В весеннем небе ласточки летают,
Как челноки, туда-сюда снуют
До горизонта травы расцветают

И молодым дыханием живут.
На ветках грушевых цветки белеют,
Прозрачный воздух снова чист и свеж.
И лица девушек в толпе светлеют,
И колыханья легкие одежд!
Настал сезон Тхань-минь[1], и март цветущий
Собрал к могилам предков всех живых.
О человек! Пред смертью вездесущей
Постой, подумай о мирах иных.
И отовсюду толпы оживлённых
Людей стекались к памятным местам.
Воспоминаний день и трав зелёных
Все празднуют – от знатных до крестьян.
И шествуют красавицы, их платья,
Как волны рек, сверкают на свету.
Мелькнёт улыбка иль слеза накатит –
Всё в этот день слилось в одну черту.
Повозки конные потоком длинным
Идут. Могильный холм заполнен весь,
Усыпаны народом все долины –
Семья Выонг гуляет где-то здесь.

По лунному календарю год делится на 24 климатических сезона. Тхань-минь попадает на весенний месяц март, когда природа пробуждается. По старым традициям в это время принято посещать, приводить в порядок могилы предков и родных, зажигать там благовонные палочки и молиться.

Летят на землю золотые плитки[1],
Исполнен был бумажный ритуал.
Сгоревших денег[2] пепел у калитки
Развеет ветер, чтоб никто не знал…
И вот уж солнце к западу склонилось,
Лучи косые сквозь деревьев строй.
Сегодня сердце слишком часто билось,
Устали все – пора идти домой.
И сёстры взяли за руки друг друга,
Идут вдвоём по берегу ручья.
И солнце в небе – половина круга,
А на воде, как жёлтая свеча.
Вот переброшен мостик через воду.
У каменного выступа видна
Могила невысокая, за годы
Под землю вся почти ушла она.
Поломанная, жёлтая, кривая,
Печально выглядит на ней трава.
Как будто рана сохнет ножевая,
Забинтовать её должны слова.
И вымолвили сёстры: «Почему же

[1] Речь идёт о ритуальных жёлтых бумажных плитках, которые по старому поверию разбрасывают по пути на место захоронения и вокруг могилы, чтобы усопший не нуждался в загробном мире.
[2] Речь идёт о ритуальных деньгах из обычной бумаги, которые сжигают у могилы, чтобы усопший в загробном мире мог использовать их на свои нужды.

В день памяти Тхань-минь народ шумит,
А этот холмик никому не нужен,
И палочка здесь даже не дымит[1]?»
Выонг Куан историю поведал,
Которую услышал от отца,
Историю, рассказанную дедом,
В подробностях с начала до конца.
«Жила в ту пору юная девица,
Талантом славилась и красотой.
Так звонко пела, как лесная птица
Поёт на ветках раннею весной.
Само собою, у её покоев
Поклонники толклись, шумел народ.
Хотелось всем дотронуться рукою
Хотя бы до резных её ворот.
Хрупка судьба красавиц, мимолётна…
Так вот, когда цвели её цветы,
Сломалась от "высокого полёта"
Та веточка небесной чистоты.
В далёкой стороне один поклонник
Давно мечтал приехать – навестить
И положить кольцо на подоконник,
И счастливо на этом свете жить.
Увы! Как только лодка чужестранца

[1] Речь идёт о благовонных палочках для ритуальных церемоний.

Смогла причалить к пристани любви,
Вдруг тишина и холодок пространства
Ему на грудь каменьями легли.
Летела в небо камыша пушинка,
Зелёным мхом тропинки заросли.
И понял он, что поломалась шпилька[1],
Разбилась ваза[2], полная любви.
Он причитал и громко, громко плакал,
Всё без конца рассказывая всем,
Как он любил, как душу исцарапал,
Пройдя сквозь сотни недоступных стен.
“Нам на земле не суждено жить вместе,
Но если так строга моя судьба,
Позволь хоть что-то маленьким предвестьем
Для встречи там оставить для тебя”.
Купил он гроб на диво всему свету,
Дорогу фонарями осветил
И жемчугом расшитую карету
К её могиле по цветам пустил.
Всё больше их – закатов и восходов,
И всё длиннее времени поток.
Никто к её могиле не приходит,
Никто в слезах не обронил платок.
И брошена могила без присмотра,

[1, 2] Поломанная шпилька, разбитая ваза - приметы, свидетельствующие о любовной неудаче.

И зарастает колким сорняком.
Любить живых – сердечная забота,
Попробуй память сохрани потом».
О сердобольная душа Киеу!
Едва рассказ дослушав до конца,
Как залилась слезами – я не смею
Вам описать черты её лица.
«О как ты, мир, таинственен, изменчив,
Как знать, когда придёт последний час.
О доля горькая красивых женщин!
“Несчастная судьба” – слова про нас.
За что Творец красавиц обрекает
На тягостный, томительный рассвет,
И нашу молодость в цветах скрывает,
И увяданье шлёт на склоне лет?
Вот как она: женой служила встречным,
А после смерти стала не нужна
Ни тем, кто коротал с ней скучный вечер,
Ни тем, кого звала к себе она.
Никто уже тебе во след не смотрит,
Никто не вспомнит о твоей судьбе.
Позволь хотя б на этом камне остром
Мне воскурить две палочки тебе.
Хотя мы встретились с тобой случайно
И я, как ветка ивы, здесь стою,
Быть может, в царстве, где земля и тайна,

Ты и оценишь доброту мою».
Позолотил траву закат вечерний,
Ещё тревожней стало на душе.
И лёгкий ветер драм и огорчений
Зашевелил верхушки камышей.
От пережитого Киеу встала
И не смогла ни слова обронить.
Всю ночь бы со слезами простояла,
Да брат встревожил, начал говорить:
«Дивлюсь я на тебя, сестра родная.
Ну, сколько слёз ещё ты будешь лить
За человека, жившего у края,
Не зная, как на этом свете жить».
Откликнулась Киеу откровеньем:
«С тысячелетней нашей старины
Все женщины подвергнуты мученьям,
А счастья дни по пальцам сочтены.
Как больно сердцу! Холод леденящий
Пронёсся вихрем у меня в груди.
И я над ней уже в земле лежащей,
Всё думаю: что ждёт нас впереди?»
Но тут же брат прикрикнул на Киеу:
«Зачем чужую участь примерять.
Идём скорей, а то я околею,
Здесь мёртвым духом веет, говорят».
Киеу продолжала: «Только тело

У одарённых превратится в прах,
А дух живёт, душа другое дело –
Она как чувство в прозе и стихах».
И не успела вымолвить Киеу,
Как ветер сильный поднял вверх листву,
И закружило чёрную аллею,
Заколыхало мёртвую траву.
Глядят они на поле безучастно,
Где ветру их страдания чужды…
И видят вдруг отчетливо и ясно:
На мху остались свежие следы!
У всех на лицах ужас и смятенье,
Как будто чаша страха пролилась.
Воскликнула Киеу: «Нет сомненья,
На зов души она отозвалась!
И пусть подвижным солнцем я согрета,
Она же скрыта медленной луной,
Мы с ней родные сёстры, и вот это
Позволило ей встретиться со мной».

И долго бы Киеу так стояла,
Задумавшись – остаться иль уйти.
Как вдруг неподалёку зазвучала
Бубенчиков златых тугая нить.
И видят сёстры: едет к ним навстречу

Конфуцианец юный на коне.
Подтянут, как тростник. Широкоплечий.
Такого можно видеть лишь во сне.
Под ним шагает конь жемчужной масти,
Он белоснежен, как зима в горах.
А платье парню сшил известный мастер,
Как волны моря в голубых тонах.
Ещё издалека заметив лица,
Он соскочил с ретивого коня
И шёл, как по небу летает птица,
Под облаками солнечного дня.
Знакомого узнав в нём человека,
Выонг Куан объятья распростёр.
Цветами красными закрыла ветка
Глубокое волнение сестёр.
Ким Чонг был давним, задушевным другом
Выонг Куана, был их земляком.
И он частенько ездил этим лугом –
Недалеко его родимый дом.
Семья прославилась богатством, честью.
Их знатный род в округе был один.
Ким был наследником всего поместья –
Завидный был жених и господин.
И Ким давно слыхал про то соседство,
Где двух красавиц властвует весна.
Но было на замке их «королевство»,

И долго вслед ему она смотрела,
Скрывая взгляд от брата и сестры...
Художник Нгуен Тхи Хоп.

Вокруг была высокая стена.
Негаданную встречу сделал случай,
И встретились их светлые сердца.
Но что за жизнь, какая ждёт их участь?..
Дослушаем рассказ мой до конца.
Едва увидев издали красавиц,
Отметил Ким, что обе хороши.
Одна, как хризантемы белый танец,
Другая – орхидея, свет души.
Но первая красавица – иная,
Её лицо увидев, не забыть.
Поэтому Ким, сам того не зная,
Хотел ей что-то важное открыть.
Они держались внешне неприступно,
Но закипел огонь страстей и мук.
Как наяву казалось почему-то
Прикосновение их нежных рук.
Но оставаться было неприлично,
Он сел верхом на белого коня.
Взглянул на всех как будто безразлично
И поскакал, подковами звеня.
И долго вслед ему она смотрела,
Скрывая взгляд от брата и сестры,
А под мостом вода хрустально пела,
И распускались синие цветы.

Когда Киеу наконец в палаты
Зашла и села рядом у окна,
Уж солнце спряталось за лес косматый,
Плыла на небе полная луна.
Её терзали мысли и сомненья
О том, что нынче с ней произошло,
И сердце переполнилось томленьем,
Как будто душу что-то обожгло:
«Какая горькая судьба певицы,
Что не унять, не скрыть эту тоску…
Зачем, скажите, парень светлолицый
Вдруг повстречался на моём веку?..»
Лучи луны бамбуковые шторы
Пронзали, словно острые мечи.
Киеу задремала, разговоры
Поплыли абрикосами в ночи.
…И вдруг она увидела девицу,
Красивую, как розы расцвели.
Она была похожа на царицу,
Едва касалась ножками земли.
Обрадовавшись встрече с неизвестной,
Киеу стала спрашивать её:
«Не из бессмертного ли царства песни
Явились Вы в мой дом, в моё жильё?»
В ответ ей гостья отвечала скромно:
«Старинная пословица гласит:

Родные звуки раздаются ровно,
Родные души обо всём проси.
И хижина моя на том же месте,
Где ручеёк и переброшен мост.
Тем более, что Вы сегодня вместе
С семьёю посетили тот погост.
И, повинуясь Вашим песнопеньям,
Просила я Хранительницу душ,
Чтобы она развеяла сомненья
И заглянула в тайны наших нужд.
И оказалось: в «Книге женской доли
И девичьей страдальческой судьбы»[1]
Есть Ваше имя, имя Вашей боли,
Все Ваши страсти и любви мольбы.
И наше прошлое не уничтожить,
И мы недаром им одним живём.
У нас и вправду судьбы так похожи,
Как будто в лодке вместе мы плывём.
Ну а теперь пришла пора прощаться».
И гостья к выходу направила свой взор.
Киеу просит подождать, остаться,
Продлить душевный этот разговор.
Вдруг ветер сильно растревожил шторы –

[1] Речь идёт о якобы существующей в ином мире книге, в которую занесены имена женщин с предначертанной несчастной судьбой.

Киеу вздрогнула!
Всё это сон,
И встреча с ней, и эти разговоры,
Но всё ж по-новому благоухает дом.
Оставшись в одиночестве, Киеу
В раздумья погрузилась на всю ночь:
«Нет, я о будущем мечтать не смею,
И эти мысли прогоняю прочь!
Но хочется узнать на самом деле,
Что предначертано в судьбе и мне…»
Но чувства все и нервы на пределе –
Киеу разрыдалась в тишине.
И всхлипы разнеслись по всем покоям,
И пробудилась мать – пришла спросить:
«Ну, что с тобою, доченька? Не стоит
Так горько слёзы в этой жизни лить».
Киеу ей почтительно сказала:
«Я вправду несмышлёное дитя,
И Вам уже давно я задолжала
За то, что сделали Вы для меня.
Мы днём ходили в поле с нашим братом,
Нашли могилу женщины одной.
Как только я вернулась в дом обратно,
Она во сне явилась мне живой.
Я никогда ещё так много света
Не видела, чиста моя мольба.

Но если верить всем её заветам,
То у меня печальная судьба».
На это мать отозвалась советом:
«Не верь, когда устанешь, ложным снам.
Они, как дым, безжалостны при этом,
Но я тебя в обиду не отдам».
Признала материнские наказы.
Но только перестала дочь рыдать –
Как тут же о любви пошли рассказы,
Где остаётся слушать и вздыхать.
Уж звёзды утром поклонились ивам,
И снова жизнь веселием полна,
Но, погрузившись в думы о любимом,
Киеу всё сидела у окна.

О эти души, чувственные души!
Попробуй узел этот развяжи,
Когда любовь затронет и нарушит
Твоё нутро, что лотосом дрожит.
С тех пор как Ким вернулся в дом родимый,
В тоске о ней бродил по дому он,
И в голове одно звучало имя,
Как будто в мире нет других имён.
Да, в нашей жизни часто так бывает:
Чем больше мы пытаемся унять

Тоску в груди, тем ярче полыхает
Её огонь... И что тут объяснять.
Луна иссякла – в небе тонкий месяц
И свет лампадки не разгонит тьму.
О сколько Ким во сне приставил лестниц
В её окно, открытое ему…
Царил холодный воздух в кабинете,
Давно туда никто не заходил.
Не слышно было лютни на рассвете,
Засохла тушь, кисть кто-то уронил.
Ким был один, он видел всё воочью,
Но расплывалась видимость от слёз.
О сколько дум он передумал ночью,
Как вдруг четыре строчки произнёс:
«Беспечный ветер шторы растревожил,
И запах роз принёс мне образ твой.
Горячий чай обжёг на пальцах кожу,
Напомнив мне, что нет тебя со мной».
Томясь любовной памятью о встрече,
О месте том, где свидеться пришлось,
Из дома вышел Ким, сжимая плечи –
Как в клетке, сердце птицею рвалось.
Но только луг зелёный и пустынный
Да ручеёк с прозрачною водой
Его встречали песней журавлиной
Под еле-еле видимой звездой.

Холодный ветер нагонял унынье,
Пустынно шелестели камыши.
И всё как будто заросло полынью,
И ни одной поблизости души.
Бывает так лишь только у влюблённых:
Воспоминаний мало – много дум,
Воображений, чувств непобеждённых –
Как яблони цветущие в саду.
Направился Ким быстрыми шагами
К обители красавицы своей.
Но у ворот, за плотными стенами,
Его на ветке встретил соловей.
Девичий терем за семью замками,
Погружены веранды в полумрак,
Усыпаны опавшими цветами –
Проникнуть в тихий дом нельзя никак.
Стоял так Ким в растерянности долго,
Затем вокруг дом начал обходить,
И словно в сердце тонкая иголка
Златою ниткой душу стала шить.
Он видит: рядом дом купца Нго Вьета,
Который где-то странствует ещё.
А дом его почти таким же светом,
Как дом Киеу, ночью освещён.
И под предлогом: «прибыл на учёбу»,
Ким тут же снял соседний этот дом.

С таким нехитрым и живым расчётом
Он поселился под её окном.
Всё в этом доме ладно и в порядке,
И всё так близко от любви его.
И кажется, что в безрассудной схватке
Он победил, завоевал её…
Увы, хотя без страха и сомнений
Он был готов просить её руки,
Ни разу Ким не видел даже тени,
Не слышал, как стучали башмачки.

Прошло два полнолуния, как въехал
В соседний дом влюблённый юный Ким.
И лишь стена была ему помехой…
Не описать вам, что творилось с ним.
И вот в один погожий летний вечер
Мелькнула вдруг туника на ветру.
Откинув лютню, Ким рванул навстречу –
Лишь тонкий запах плавал по двору.
Влюбленный Ким пошел вдоль стен высоких
И вдруг… на ветке он увидел брошь!
Заполнил грудь тревогой вдох глубокий,
По телу рисом высыпала дрожь.
Он осторожно снял её и думал:
«Как эта брошь смогла сюда попасть?»

Всё предначертано, тайком, без шума
Берёт начало огненная страсть.
Ни на мгновенье брошь не выпуская,
Ким думал: «Счастье вот оно, сбылось».
Ведь эта брошка, брошка золотая,
Ещё хранила запах тех волос.
Едва туман растаял над долиной,
Как Ким увидел девушку в саду.
Она как будто что-то обронила
И всё искала, как во тьме звезду.
О сколько ждал Ким этого момента!
И, выдохнув, издалека подал
Свой голос через стену, словно ленту,
С которой за любовь он воевал:
«Здесь чью-то брошь вчера нашёл случайно,
Но не хочу себя обогатить
И дорогой предмет необычайный
Хозяйке я желал бы возвратить».
В ответ из-за стены раздался голос:
«Мы Вам признательны за то, что Вы
Высокомерие не проявили, гордость,
И золото достали из листвы.
У благородства честная дорога,
Она в любом поступке хороша,
А в этой брошке ценности немного,
Бесценна бескорыстная душа».

«Я столько ждал, и силы на исходе,
Позвольте попросить Вас об одном:
Мы можем с Вами встретиться на входе,
Ведь как-никак соседи, рядом дом».
Сказав, тотчас Ким бросился в покои,
А сам расцвёл, как от дождя цветок.
Собрал подарки, душу успокоил:
Два золотых браслета и платок.
Как на коня забравшись, сел на стену
И в первый раз увидел наяву,
Какому он отдался сну и плену
И как на небе ангелы живут.
Он попытался разглядеть хоть малость
Её лица прекрасную зарю,
Но девушка от взгляда застеснялась
И опустила голову свою.
«С тех пор, как встретились мы с Вами в поле,
Я тайно звал Вас, тосковал в ночи,
И чтобы не увидеться нам боле,
Теперь не вижу никаких причин.
Я весь истаял телом от томлений
Любви, коснувшейся меня всерьёз.
Рассейте же туман моих сомнений,
Я, словно розу, сердце Вам принёс».
Киеу замерла и неподвижно
Стояла долго, вдруг заговорив:

«Нам многое не видно и не слышно,
Народ наш беден, но трудолюбив.
Скажите, после наших слов друг к другу,
Что птицами летают над прудом,
Захочет ли судьба подать нам руку
И нас связать супружеским узлом?
От благородства Вашего я млею,
Но Вы поймите, мне так мало лет,
Я несмышленая ещё, робею,
Не смею дать решительный ответ».
Продолжил Ким настойчиво и смело:
«Бывают дни с холодною водой,
А нас сегодня солнышко согрело –
Погода переменчива весной.
Не часто случай выпадает в жизни
На счастье нежное своё смотреть.
О если я для Ваших мыслей лишний,
То я умру, нужна ли эта смерть?
Хоть пару слов скажите, ради Бога,
В залог союза наших с Вами дней.
Чтоб сватовства нелёгкая дорога
Легла нам под ноги – идти по ней.
А если Бог обманет ожиданья,
Клянусь, я брошу жизнь свою во тьму.
Ну, неужели все мои страданья
И все усилия Вам ни к чему?»

Киеу слушала и замирала,
Как тешил голос лаской нежных слов.
Что пробудилось в ней, она не знала,
Лишь в сердце плыли отзвуки стихов.
И наконец в ответ она сказала:
«Да, эта встреча – первая, но всё ж
Я Вашу душу и любовь узнала –
Возьмите эту найденную брошь.
Нет смысла больше прятаться за ставни,
Когда от счастья кругом голова.
Как высекают надписи на камнях,
Запечатлею Ваши я слова».
Как только Ким услышал эти речи,
В его душе огонь заговорил.
Браслеты и платок – укутать плечи –
Он на руки любимой положил.
«Вот мой подарок, мой залог отныне
Любви, что нас завяжет в узелок.
А Вас я жаждал, как воды в пустыне,
Прохладной ключевой воды глоток».
Киеу вышла с веером злачёным
И бархатным платком наперевес.
Подарок принял Ким, ему вручённый,
Как розовое облако с небес.
Едва признанья отзвучали нежно,
Вдруг голоса из дома донеслись.

Срывая листья и цветы поспешно,
Ким и Киеу тихо разошлись.
С тех пор, как в душах золото открыли
И блеск его проверили вдвоём.
Любовь их крепла, разливалась в мире,
Но и тоска росла, как снежный ком.
Их разделяла малая ничтожность,
Всего одна стена – стена в ночи.
Но сквозь неё, скажите, разве можно
Слова и нежность милой получить?

Всё гуще зелень и луна белее,
Всё реже в небе розовый рассвет.
Ночь коротка, а день уже длиннее –
Весна откинула свой первый цвет.
Семья Киеу шумно наряжалась
В недальний путь, туда, где ждёт родня,
И так случилось, что она осталась
Хозяйкой в доме до исхода дня.
Какой прекрасный случай для свиданья!
Киеу разложила на столе
Весенних фруктов спелое сиянье
И радостно отправилась к стене.
Остановившись за кустом с цветами,
Киеу подала свой голосок.

Но встретил Ким любовь её словами,
Которые сдержать уже не мог:
«О как к моим Вы чувствам равнодушны,
Оставили огонь зажжённый наш
Здесь угасать, а расцветали груши,
И красками наполнен был пейзаж.
Я тосковал, душа от боли ныла,
Стоял, как дуб у бездны на краю,
И от страданий седина покрыла
Наполовину голову мою».
«Прошу простить, но я не виновата,
То ветер был, то дождь в плену держал.
Я к Вам пришла, и вот моя расплата –
Всевышний нынче встречу нам послал».
И оба стали тут же, шаг за шагом,
Высокий холм и стену обходить,
Пока не встретились влюбленным взглядом
И руки не смогли соединить.
Плечом к плечу отправились в дом Кима,
И вслед махал им веткой старый клён.
Всё в этой жизни, всё преодолимо
Тому, кто в мире искренне влюблён.
На письменном столе у Кима в доме
Шкатулка для стихов и с ней пенал,
Картина на стене – пейзаж знакомый,
Его Ким вдохновенно написал.

«Картина мной написана недавно.
На ней хотя бы несколько стихов
Прошу Вас начертить о самом главном,
И это будет лучше всех цветов».
Рукой взмахнула девушка, как сеют,
И тотчас, будто дождь иль ветерок,
Живые иероглифы алеют –
Взошло четверостишье, как цветок.
Воскликнул Ким: «Поистине чудесно!
Строка точна, как жемчуг и нефрит.
И не сравнится с Вами поэтесса,
Та, о которой память нам гласит».
«Я чуть украдкой глянула на образ,
Ваш милый образ, сразу поняла,
Что ни семья, ни время и ни возраст
Не помешают нам любить сполна.
Но всё ж сомнения берут начало
И благостен ли будет наш венец?
Мне в жизни только музыка звучала,
И наставления давал отец.
Когда была я девочкой наивной,
Гадатель как-то странно нагадал,
Что плакать буду горестно и сильно,
Что слишком рано кто-то цвет сорвал.
Какая ждёт меня земная доля?
Тонка судьба, как крылья стрекозы.

А Ваша жизнь – раздолье, власть и воля.
Я не хочу быть ягодкой лозы».
Ким возразил: «Судьбою наша встреча
Была начертана на небесах.
Все раны мира нам поэты лечат
В пророческих поэмах и стихах.
А если наш любовный узел будет
Расторгнут жизнью, упадёт в росу,
За клятву нашу, наших дней и судеб,
Себя, как жертву, Небу принесу».
Друг другу долго души изливали,
Всё сокровенные текли слова.
Конечно же, они не замечали,
Что от любви кружилась голова.
Бывает так – часы ползут, недели,
А тут им словно день махнул рукой.
Они и оглянуться не успели,
Как облик солнца скрылся за горой.
И дальше засидеться будет лишним,
Родители вернуться из гостей
Могли уже. И, с юношей простившись,
Киеу молча вышла из дверей.
Войдя, однако, в хладные покои,
Увидев, что родители ещё
Вернуться не успели – то не стоит
Переживать, смущаться краской щёк,

Они клялись, что больше не посмеют
Расстаться, даже там, на небесах.

Художник Та Тхук Бинь.

Тогда Киеу шторы опустила
И бросилась обратно в тёмный сад.
Луна уже, как яблоко, светилась –
Лишь тень мелькала нам в щелях оград.
А в кабинете Кима догорала
Лампада – он её не потушил.
Казалось, что вокруг всё задремало
И что весь мир во сне глубоком жил.
Шаги легки прекрасных женских ножек,
Они бегут в траве лесным ручьём.
Но и они вас могут потревожить,
Когда любовь владеет вашим сном.
Летят по небу розовые кони,
Волной по ветру сине-белый дым.
И, пробудившись, Ким не сразу понял,
Во сне иль наяву любовь пред ним.
Киеу объяснилась: «Не смогла я
Сидеть и слушать опустевший дом,
Теперь мы рядом, я сейчас растаю,
И, может быть, всё это только сон».
Ким голову склонил и жестом чинным
Пройти возлюбленную пригласил,
Зажёг свечу в подсвечнике старинном,
А блеклую лампадку погасил.
Затем достал бумагу и чернила
Составить клятву о своей любви,

Чтоб жизнь печатью их запечатлела,
Чтоб чувства их словами проросли.
Пучок волос отрезала Киеу
И разделила надвое в руках.
Они клялись, что больше не посмеют
Расстаться, даже там, на небесах.
Закат вина, янтарных чашек лето,
И клён в окне стоит, луну обвив.
Как близко платье, шёлковые ленты,
Как хорошо смотреть в глаза любви.
Свежо в ночи, прохлада в переулках.
Ким не стерпел и ей сказал: «Прости,
Ты опасаешься, что я в поступках
До непристойностей смогу дойти».
«Я не боюсь, но, если мы связали
Той красной нитью наши имена,
Не торопись, для будущих свиданий
Ещё посеем в поле семена».
Смутившись, Ким сказал: «Я точно знаю,
Когда играешь ты, земля светлей
Становится, а горы отступают –
Сыграй мне что-нибудь повеселей».
«Не очень-то искусно я играю,
Но, коль послушать захотели Вы,
Послушно Вашу просьбу выполняю –
Подайте инструмент мне со стены».

И заиграла музыка земная,
То песнь была о северной войне[1],
И слышалась в игре воронья стая,
И звук мечей в далекой стороне.
Потом возникли скорбные призывы,
А дальше свет далёких облаков,
И моря синего высокие приливы,
И грустные рыдания ветров.
Какие звуки струны издавали!
То был как будто шелест лепестков.
То пальцы струн поток перебирали,
Быстрее, чем движенья пауков.
Чарующая музыка. Вечерний,
Мерцающий, неяркий, жёлтый свет –
О сколько это всё таит значений,
И Ким чуть не заплакал, как поэт.
То искривляясь, будто от болезни,
То хмуря бровь, не чувствуя лица,
Ким вымолвил: «Зачем же эти песни
Вы выбрали? От них горят сердца».
«Весёлый ли, унылый ли характер

[1] Речь идёт о войне между северными кочевыми племёнами за Великой китайской стеной и Китаем в I веке до н.э. Чтобы умиротворить их, ханьский император Юань-ди (元帝, 76 – 33 до н.э.) отдал одному из вождей в жёны свою наложницу, красавицу Выонг Тису Куан (王昭君).

Меня к такому слову приучил.
Но обещаю, больше это платье,
Я не надену, кто бы ни просил».
Сильнее к ночи пахнет сладкий ладан,
И тем страстнее взгляд любимых глаз.
Тянуло Кима к вольностям прохлада,
И всё настойчивее он сейчас.
«Не нужно нам играть с любовью нашей.
Поверьте, не настолько я глупа,
Чтоб заградить любви, чуть не пропавшей,
Источник счастья, света и тепла.
И коли сердце вы моё украли,
И я для вас уже почти жена,
То, вспомнив о супружеской морали,
Я сохранить и честь мою должна.
А если уподоблюсь я тем девам,
Что с легкостью идут в весенний сад,
То разве я достойна буду дела,
Что нам назначено на небесах?
Тогда к чему нам с вами торопиться
И рвать цветы, что только взяли цвет?
Я ваша – клятвой, я смогла влюбиться
И скоро дам на всё один ответ», –
Нежна и целомудренна Киеу,
И речь её сладка, как дикий мёд.
Ким головой приник к её колену –

Он всё, конечно, правильно поймёт.
Уже бледнеет свет луны над крышей,
И во дворе прислуги голоса.
Домой бежала девушка неслышно…
На воздух вышел Ким в сливовый сад.

Лишь солнца луч коснулся кромки леса,
И с двери сняли расписной засов,
Как в дом вошёл слуга, поклон отвесив,
И протянул письмо без лишних слов.
Ким стал читать и обмер в середине:
«Мы вас должны со скорбью известить,
Что дядя ваш скончался на чужбине,
И надо прах его домой везти».
А этот путь опасен и не близок,
Проходит он горами и рекой.
Ким пошатнулся, словно на карнизе
Стоял и ужасался высотой.
И тотчас тигром бросился к любимой
Скорей поведать, что произошло.
И то, что ехать в путь необходимо,
И то, что им расстаться суждено:
«Беда пришла, мы даже не успели
Обряд помолвки первый совершить.
Одна луна в небесной колыбели

Слыхала нашу клятву вместе быть.
И в череде всех траурных событий
Прошу навязчивым меня не счесть
Пообещайте мне, что сохраните
И нежность нашу, и любовь, и честь».
В душе Киеу буря и смятенье,
Но всё ж слова сумела подобрать:
«Мы были с Вами лишь одно мгновенье –
И вот уже в разлуке тосковать.
Но не боюсь я долгих ожиданий
И наш союз я от беды спасу.
И ради наших будущих свиданий
Я всё стерплю и всё перенесу.
Ведь я клялась, а клятва не обманет,
И данное Вам слово я сдержу.
Пока любить любимый не устанет,
Я одному ему принадлежу».
Уж солнце высоко на небосводе,
Но рук сплетённых не разъединить…
И всё же Ким наш медленно уходит,
И слёз нам горьких не остановить.
Оседлан конь, уложены все вещи,
И вот он путь, как траурная нить.
И утолить печали больше нечем,
И ничего уже не изменить.
Природа спит, унылая дорога,

Крик одинокий где-то дергача.
Уехал Ким от милого порога
Туда, где будет ночь его встречать.

III

Киеу у дверей своих стояла
И долго, долго вглядывалась вдаль.
Казалось ей, что всё вокруг увяло.
Остались только горе и печаль.
А тут родные с пиршества вернулись,
Из дома убежала тишина.
Чтоб их глаза друг с другом не столкнулись,
Она закрылась в комнате одна.
Как вдруг раздались крики, словно звери
Ворвались к ним из леса напролом.
Раскрылись, хлопнув, уличные двери,
И в тихом доме начался погром.
Слова крепки у приказных рассыльных,
Глаза остры, ножи в руках блестят.
Должно быть, скучно в кабинетах пыльных
Сидеть и протирать свой толстый зад.

Они надели на Выонг Куана
И на его несчастного отца
Колодки шейные и, как охрана,
Держали нож и палку у лица.
Скрутили руки им одной верёвкой,
Как негодяям, посреди двора.
И всё так быстро делали, так ловко,
Как будто это старая игра.
Громили всё и, жадно набивая
Свои карманы, грабили вчиста.
Что за напасть свалилась в дом такая,
Кто западню поставил им в кустах?
Произошёл подлог на самом деле,
Весь двор соседский завистью зарос.
И только позже выяснить сумели –
Торговец шёлком дал на них донос.
И где бы там и как бы ни кричали
О справедливости, об участи живых,
Глухи чиновники к мольбам, печали,
К жестокости привыкли руки их.
На перекладине, под шум и гогот,
Повесили их головами вниз.
Не то что люди – камни так не смогут
Всё выдержать… И слёзы пролились.
И требуй тут пощады иль не требуй,
Но сделать ты не сможешь ничего.

Осталось лишь одно: молиться Небу,
Но Небо было слишком далеко.
Да, издревле пошло такое рабство,
И стойко это всё народ несёт.
За деньги, за дешёвое богатство
Чиновники пойдут, увы, на всё.

Но слёз поток – плохое утешенье,
И невозможно с этим дальше жить.
Нужна отвага, твёрдое решенье,
Чтобы родных спасти и сохранить.
Как из груди горящей сердце вырвать,
Его на чашу положить весов?
А на весах лежат, попробуй выбрать,
Любовь к родным и к юноше любовь.
Полна решимости, Киеу взвыла:
«Позвольте мне себя преподнести,
Я продаю себя!.. Я так решила,
Хочу отца от гибели спасти».
Средь приказных стоял у двери старший.
Хотя из той же вышел он среды,
Но не был всё ж настолько злым и падшим –
Имел в душе сердечности плоды.
Его задел поступок благородный,
И на него откликнулась душа.

Рассудок, изощрённый и свободный,
Уже решал, как травле помешать.
Где взятку дать, чтоб серебро сверкало,
Куда пойти и с кем поговорить.
Ведь триста золотых не так-то мало,
Чтоб дело окончательно закрыть.
Все, кто под стражу помещён сурово,
Все будут на свободе и в чести.
За деньги можно выпустить любого,
Но деньги нужно поскорей найти.
И разрывалось сердце у Киеу,
Возможно ли всё это пережить?
Как угольки на звёздном небе тлеют
Её глаза – слезами не залить.
Отдать себя луне, ночному свету.
Судьба её плачевна и горька.
Как капелька дождя летит по ветру –
Какая же возьмёт её река?
А сердце погибает от потери
Всего того, чем этот мир хорош.
И каждый раз, когда стучатся в двери,
Ты худшего от этих стуков ждёшь.
Киеу не сдержалась, рассказала
О всех печалях сводница одной.
И тут же весть весь округ обскакала
На лошади породы верховой.

Наутро из соседней деревеньки
Уже бежала бабка с женишком.
В её глазах сверкали только деньги,
Жених шагал в костюме щегольском.
И видно, что немолод был повеса –
Лет сорока, побрит, хорош собой.
Едва явившись в дом, он тут же в кресло
Почётное уселся – деловой.
А в девичьих покоях торопили
Киеу показаться жениху.
О сколько слёз глаза её пролили,
И грудь сковало так, что не вздохнуть.
Глаза поднять стыдилась и не знала,
Как посмотреться в зеркало, она.
А вдруг мелькнёт всё то, о чём сказала
Та женщина из давешнего сна.
Хватала сводница её за руку,
Причёску поправляла на ходу.
Безжизненно Киеу шла на муку –
Сухою веткой в радостном саду.
Тем временем в гостиной торговались:
Ведь дело-то не только в красоте.
Таланты на весы, как ком, бросались
И подводились к денежной черте.
Просили показать, как петь умеет,
Играть на лютне и ласкать струну.

Чем ближе гость рассматривал Киеу,
Тем больше она нравилась ему.
Старалась сводница прибавить цену,
А покупатель – цену эту сбить.
До ночи шли торги, и им на смену
Решение пришло: продать – купить.
Договорились, сделка состоялась.
Четыреста отвесив золотых,
Гость всё уладил. И теперь осталось
Киеу выкупить своих родных.
Раз деньги наготове – всё возможно.
Дела творятся проще и быстрей.
Зачем так жизнь продажна и ничтожна
И с каждым днём становится острей?
Киеу обратилась к господину,
Чтоб из-под стражи всех освободить.
О если б не любовь, то мир бы сгинул
Во тьму веков и негде было б жить.
В груди отца огонь семьи Выонгов,
И он не в силах слёз своих унять:
«Ну как же так? Для моего ребёнка
Жизнь и судьба – всё повернулось вспять.
Пускай меня уж лучше растерзают,
Пускай топор, секира или меч.
Ведь дети ничего ещё не знают,
И, значит, долг мой – счастье их сберечь».

Совсем отчаявшись, хотел убиться
Старик, и больше ничего не знать.
Но брат успел за руку ухватиться
И, крепко сжав, отца смог удержать.
Его Киеу утешала нежно:
«Отец мой дорогой, меня прости,
Но я бы не смогла всю жизнь, конечно,
Груз на себе весь этот пронести.
Ты словно дуб в дубраве многолетней,
На ветках листья долго будут жить.
Пускай затопчут малое соцветье,
Но дерево должно зелёным быть.
И я прошу: отчаянные мысли
Ты выброси, отец, из головы.
Мы все под Небом ходим в этой жизни,
Нам не дойти до этой синевы».
И долго бы в глаза они смотрели
И слёзы наполняли бы глаза.
Но показался покупатель в двери
И грамоту о купле показал.
Луна, ты сваха, вредная старуха!
Зачем же ты не видишь, что творишь.
Не связанное связываешь в муках
И жертвам ничего не говоришь.
Когда в мошне у нас звенят монеты,
Совсем нетрудно белое чернить.

Кому нужны священные заветы?
Ведь с правдой тяжелее будет жить.
Свершилось, взятка передана в руки.
Закрыли дело – некого судить.
Помог чиновник тот, что на поруки
Взял дело их, пытаясь всё закрыть.

Едва семейные дела Киеу
Наладились, как сразу поспешил
Жених набросить девушке на шею
Дела о свадьбе – полный просьб кувшин.
В ту ночь Киеу, сидя пред лампадой,
От слёз сушила платья рукава.
Ей всё казалось, снег на землю падал,
Но падали холодные слова:
«Как ни придётся жить на этом свете,
Я покорюсь, но только страшно мне,
Что клятва данная – как в поле ветер,
А Ким сейчас в далёкой стороне.
Зачем его заставила поклясться?
Теперь и он не сможет ничего.
И не узнает он, что нам расстаться
На веки вечные судьбою суждено.
Поступок этот Кимом не простится,
Мне даже на том свете не прожить.

и в буйвола должна переродиться,
Чтобы хоть как-то милому служить».
Полоска света в небе заструилась,
Уже лампаду можно погасить.
От сна весеннего Ван пробудилась,
Подсела рядом, чтобы расспросить:
«Даёт нам Небо встречу и разлуку,
Злодейка-жизнь подставила плечо.
Всю ночь ты здесь одна в слезах и муках,
Быть может, что-то мучает ещё?»
«Полно рыданий сердце, я стараюсь
Всё выдержать и вида не подать.
Но есть одно, чего я так стесняюсь
И даже, Ван, тебе боюсь сказать.
Но если это втайне всё оставить,
То я предам и друга и себя.
Сестра моя, мы можем всё исправить,
Одна надежда только на тебя.
Я кланяюсь тебе, садись же в кресло
И выслушай печальный мой рассказ.
Всё для меня померкло и исчезло,
Любить на свете можно только раз.
Он был таким красивым и высоким,
Обоих нас любви связала нить.
Но эта нить разорвана злым роком,
И я прошу её соединить.

Пообещай любовь мою продолжить,
Возьми вот эту брошь и мой наказ.
Никто не должен клятву уничтожить…
Прошу, не отводи смущённых глаз.
И если ты сестру свою жалеешь,
Исполни клятву верности мою
Ты за меня… Я знаю, ты сумеешь
Создать благополучную семью.
Ты молода, и долго будут длиться
Весенние, цветущие года.
А мне придётся с нежностью проститься
И жизнь за жизнь родителям отдать.
Живите же счастливой, дружной парой
И помните несчастную сестру.
Вот это инструмент *дан нгует*[1] старый
Пускай напомнит вам мою игру.
Ещё возьми кору для благовоний.
Когда клялись, мы с Кимом жгли её.
О как нежны, сестра, твои ладони!
Им суждено ласкать его лицо.
И, может быть, когда меня не станет,
А ты зажжёшь в курильнице кору,
То лютня эта в доме заиграет,

[1] Дан нгует – вьетнамский национальный музыкальный инструмент лютня в форме луны.

И с шёпотом деревьев я приду.
Ты передай ему поклон мой низкий.
Скажи, что так написано судьбой.
Пусть он для нас обеих самый близкий,
Но жить ему назначено с тобой.
О мой возлюбленный, за что мне это?
Прости меня, тебя я предала!
Огонь любви сгорел полоской света,
А дальше только пепел и зола…»
Едва Киеу вымолвить успела,
Как без сознанья рухнула на пол.
Лицо, как белый сахар, побледнело,
И тело вмиг покинуло тепло.
Все в доме пробудились, обступили
Бедняжку плотным и тугим кольцом.
И обдували, и водой поили,
И благовония курили пред лицом.
В конце концов она пришла в сознанье
И снова начала без слов рыдать.
«Ну, что за страсти, что за наказанье,
Что происходит тут?!» – спросила мать.
Киеу не могла остановиться
И не смогла им ничего сказать.
Всё рассказала на ухо сестрица
Отцу и матери. Что здесь скрывать?
«Моя беда спалила счастье дочки –

Сказал отец без лишней суеты, –
Пускай стирает время с камня строчки,
Но я исполню всё, что просишь ты.
Поправит Ван случившееся дело,
Она твою судьбу себе взяла.
Но кто же он, о ком ты так жалела,
Кому любовь свою ты отдала?»
Киеу плача встала на колени:
«Отец родной, прости меня, прости
И Киму без раздумий и сомнений
Мой долг земной достойно отплати».

IV

Рассвет бежит, торопится, алеет,
На южной башне слышен барабан.
Уж утро настаёт, и солнце зреет
На небе, словно золотой тюльпан.
И у ворот в цветах стоит зелёных,
Как гроб печальный, брачный паланкин.
Раздались звуки флейт, качнулись клёны –
Дрожат их листья, как в слезах платки.

Последние минуты пред разлукой
С родимым домом, боль терзает грудь.
И камни не сравнятся с этой мукой,
Что стали у дверей от слёз тонуть.
Душа горит от нестерпимых пыток,
На всех печаль и белый цвет лица.
Клубком запутанных, шелковых ниток
В груди сжимались светлые сердца.
Как только в дом невесту проводили,
Что снял уже законный ей жених,
Тотчас её, как вещь в чулан, закрыли
Во внутренних покоях дорогих.
«Выходит, что напрасно берегла я
Мой нежный взгляд и молодость мою.
Судьба мне уготована другая,
Какую песню жизни я спою?
О если б знала я, что так случится,
Смелее бы с возлюбленным была.
Спросила бы я, что мужчинам снится,
И в ночь с луной тихонько позвала.
А если встретимся мы с Кимом снова,
То что скажу ему, что я скажу?!
Достаточно ли будет просто слова
О том, чем я на свете дорожу?
Не лучше ли покончить пытку разом?..» –
И как нарочно нож лежал в углу.

Схватила… Медлила… В платок не сразу
Укутала, он сталью подмигнул.
И понеслись часы и дни томлений.
От каждого мгновения – испуг.
Однообразных, горьких впечатлений
Неразрываемый железный круг.
Киеу даже не подозревала,
Каким гулякой был её супруг,
Куда его лихая жизнь бросала
И как проводит он ночной досуг.
В азартных играх проигрался парень
И вот решил отправиться туда,
Где девки телом на хмельном базаре,
Как дынями, торгуют без стыда.
Зелёный терем – дом публичных связей,
Хозяйничала бабка там Ту Ба.
Она, конечно, мёд льёт в каждой фразе,
Но тоже похотлива и груба.
Бывает же – мошенник и плутовка
Без сговора друг другу подмигнут,
Кивнут, зевнут, обнимутся так ловко,
И всё без слов, как водится, поймут.
Сложив в одно умы и капиталы,
Они открыли лавку, где живым
Товаром торговали. Небывалый
Доход валил к ним, как из печки дым.

То город обходили, то деревни,
Для промысла искали новых жертв.
О этот заработок самый древний
Немало, кстати, пережил божеств.
Под видом пары, что служанок ищет
В богатый дом – учили развлекать.
А дальше всё известно – только пищу
Готовую осталось разжевать.
Судьба в руках Небесного владыки,
Но горько то, каков её удел,
Когда доселе на её тунике
Никто встревожить складки не посмел.
Захлопнулась замужества ловушка,
Обманщиком расставленная здесь.
Фарфоровая ждёт теперь игрушка,
И на кону стоят позор и честь.
В душе жених был радостен и весел:
«Мне улыбнулись случай и судьба.
И всё же мир не так неинтересен,
Когда живёт в нём девушка одна.
И раз она в мои попала руки,
За право первым срезать колосок
Пусть состязаются сынки и внуки
Всех королевских, княжеских особ.
Кто больше даст, тому отдам девицу,
Поправлю тем свой скудный капитал.

Но всё ж какая бьётся в клетке птица!
Ведь я давно такую и искал.
Поскольку абрикос на ветке близок,
То я хотел бы ветку наклонить.
А то всегда огрызок да огрызок –
Мне целый плод пора уже вкусить
К тому же в жизни мало ловеласов,
Кто отличить сумеет спелый плод
От срезанного. Если честно – шансов
Один из сотни, может быть, поймёт.
Достаточно взять грушевого сока
И кровь петушью, лучше с гребешка,
И, эту жидкость поднеся до срока,
Рассказывать, как девка хороша.
Такой уловкой можно вокруг пальца
Глупца любого нам заговорить.
Какая разница для постояльца,
За что, в угаре пьяном, заплатить.
А если ведьма жёнушка узнает,
Я умолю её меня простить.
Тем более дорога так петляет,
Что долго в дом придётся колесить.
К тому же девка может усомниться
И в подлинности свадьбы, и звезды,
Что будет лишь для нас всю ночь светиться,
Роняя свет на темные сады».

Тяжелый ливень в эту ночь жестоко
Трепал цветок жемчужной красоты,
И сильный вихрь косматил нежный локон,
Нагрянув из кромешной темноты.
Усталым сном закончились стенанья,
Ночь догорала тусклою свечой.
Из глаз Киеу, как от расставанья,
Текла слеза на голое плечо.
«Обидно, что пришлось так опозорить
Невинность девичью и сердца честь.
Как быть мне, как мне жизнь свою устроить,
Уж лучше в землю рядом с дубом лечь».
Не в силах пережить свою обиду,
Киеу выхватила острый нож.
«Пускай исчезну я, пускай погибну,
Но больше ничего ты не возьмёшь!»
Но замахнувшись, дрогнула Киеу:
«Как ваза хрупкая, я разобьюсь,
Но как сердца родителей я склею,
Ведь я за них, не за себя боюсь».
Так ночь прошла в слезах, в переживаньях.
Едва запели в небо петухи,
Как Ма Зям Шинь карету расставанья
Уже готовил во дворе для них.
Сердца сжимались у семьи Выонгов
В минуты расставаний и разлук,

И конь не запрягался слишком долго,
Пугал его как будто каждый звук.
В то время как в гостиной ели, пили
И отгоняли злые мысли прочь.
В слезах и в горе тихо говорили
Во внутренних покоях мать и дочь.
«Как сожалею я, как сокрушаюсь,
Что женщиной на свет я рождена.
Что волосы свои я распускаю
Не с тем, кому судьбой я отдана.
Всё перепуталось во мне, смешалось,
Прости мне, мать, что не смогла отдать
Мой долг тебе, что мне теперь осталось
Твою надежду как-то оправдать.
Возьми же сердце доброе вот это.
Я не хочу его дарить тому,
Кто грубостью и ложью без просвета
Надел на лошадь расписной хомут.
Он бросил в комнату меня и запер,
Едва приехали к нему во двор.
Я как слуга жила в ней, как в казарме,
Боясь коснуться до оконных штор.
Потом вошёл, невнятно и блудливо
Болтал, к чему-то своему клоня.
Мне было так несносно, так тоскливо,
Что я не помню, как он взял меня.

То величал хозяйкой, то служанкой,
Всё приходил речами досаждать.
Мне жалко, мама, мне всё больше жалко,
Что торгашу пришлось себя продать.
Что говорить – сплошное наказанье!
Горсть осталось угольком в золе
И жалкое влачить существованье,
И быть закопанной в чужой земле».
Немало выпито прощальных чарок,
Немало выплакано горьких слёз.
Но лодка расставаний у причала,
Карета встреч осталась без колёс.
Душа горит и требует объятий,
Родная дочь рыдает в стороне.
Седой отец унизился пред зятем,
Хвастливо восседавшим на коне.
«Как тоненькая веточка рябины,
Хрупка моя изнеженная дочь.
Из-за семейной, каверзной обиды
Пришлось ей это дело превозмочь.
Я горевать о ней не перестану,
Когда она достигнет берегов,
Прошу, прикройте слабую лиану
От заморозков, снега и ветров».
«Отныне с Вашей дочерью мы в браке,
Я сберегу семейный наш уклад.

Следят за нами демоны во мраке,
И ангелы небесные следят».
Едва сказал, как с места конь сорвался,
Копытами ударив по камням.
И понеслась карета, лишь остался
Летящий ком пылинок по краям.
Стоят, молчат родители угрюмо,
Как страшный сон, их слёзы и печаль.
Осталось им отныне с горькой думой
И без надежды всматриваться вдаль…
А дочь уж ехала в стране далёкой,
И мелкий снег вдруг полетел с небес.
Навстречу ей, несчастной, одинокой,
В окне бежал корявый, чёрный лес.
И отчего-то испугал Киеу
Крик улетающих на юг гусей.
И со стыдом ей вспомнилось, что с нею
Ещё живёт та клятва жизни всей,
Что отдана была в надежду Киму,
Что счастья полный был разбит бокал…
А снег летел всё лошади на спину
И каплями стекал ей по бокам.

Так ехала Киеу целый месяц.
Сменялись горы, реки рядом шли.

Печальная плыла по небу песня
Про то, как в плен царицу увели.
Всё дальше родина. Знобит погода.
Но вот мелькнул в окне высокий дом.
Остановились. Некая особа
Махнула гордо чёрным рукавом.
Какая дряхлая в морщинах кожа –
Киеу это бросилось в глаза,
На полусгнивший старый дуб похожа,
Не может грамотно двух слов связать.
Ведёт себя развязно, даже дерзко.
С расспросами к Киеу подошла,
И за руку схватила, дёрнув резко,
В красивый дом поспешно повела.
В гостиной многолюдно, свет притушен.
Мужских четыре-пять заметно лиц,
А по другую сторону послушно
Сидят, мечтают несколько девиц.
Посередине зала с чашей круглой
Алтарь стоит для благовоний и
Висит над алтарём Дух плоти смуглый,
Изображённый в образе любви.
В домах публичных издревле и ныне
Ему несут подарки и цветы.
Слова ему – как воду льют в пустыне
И чтут как бога сна и красоты.

А если девка долго ждёт в покоях
И к ней никто не хочет заглянуть –
Должна раздеться догола и стоя
Просить его ей молодость вернуть.
В руках должны лишь палочки дымиться,
А на лице ни капельки стыда.
Потом должна три раза поклониться
И мысли горькие ветрам отдать.
Алтарь украсить новыми цветами,
А прежние с собой на память взять,
И положить в постель их со словами:
«Приди ко мне мой друг и рядом сядь».
Киеу зал окидывает взглядом,
Ещё не понимая, что к чему.
А бабка ей велит ложиться рядом,
Читать молитву, лёжа на полу.
«Молюсь, чтоб к нашему благому делу
Удача приходила и успех,
Чтоб днём и ночью нам звезда горела
И счастья бы хватало здесь на всех.
Чтоб ищущие развлечений гости
Сюда, как кони, табуном брели.
Как виноградные висели грозди,
Как хризантемы белые цвели.
И, насладившись, нас не забывали,
Взамен себя прислали бы других.

И если одного домой забрали,
То вскоре мы встречали бы двоих».
Совсем Киеу в доме растерялась,
Звучали странно все эти слова.
Одно понятно – жизнь её кончалась
И увядала, как в саду листва.
К тому же бабка, не щадя приличий,
С ногами взгромоздилась на диван,
И тоном строгим, хоть и голос птичий,
Наказ железный был Киеу дан:
«Вставай, дрянная девка, на колени.
Твоей мамаше новой бей челом.
Приёмному отцу без возражений
Отвесь поклон со страхом и стыдом».
Киеу, недоумевая, встала
И с дрожью в голосе сказала ей:
«Из-за беды семейной я связала
Клубок из горя и судьбы моей.
Меня купили как жену-служанку,
Теперь же я приёмная вам дочь?
Всё в доме вывернуто наизнанку,
Не знаешь, день идёт иль тает ночь.
Ведь наша свадьба сыграна на славу,
Все церемонии соблюдены.
Подарки были розданы по праву,
Мы прочным браком соединены.

Не понимаю, что мы натворили
И в чём моя столь тяжкая вина?
Законно с Ма Зям Шинем мы скрепили
Той, брачной, ночью наши имена».
Едва услышав эти излиянья,
Ту Ба, вспылив, разгневалась вовск
«О горе мне, ну что за наказанье –
Средь бела дня разрушили семью!
Как ты посмела моего супруга
При мне живой, как рысака, отнять?
Да, видно, лопнула его подпруга,
Не смог он похоть юную сдержать.
Он говорил, поедет по районам
И привезёт в дом девственницу мне.
Какой же чёрной я была вороной,
Позарилась на золото монет.
А ты ещё совсем девчонка вроде,
Зачем была послушна ты ему?
Могла бы садануть ему по морде,
Как ты могла отдаться, не пойму.
Скажи, как мне теперь покрыть убытки?..
Но, раз ты продана в публичный дом,
Должна узнать все горести и пытки.
А ну-ка, угощу тебя кнутом!»
Киеу вздрогнула и застонала:
«О горе мне! О чёрная земля!

О почему так поздно я узнала,
Что мне и в этом доме нет житья!»
И тотчас спрятанный в рукав достала,
Как молнией сверкнув, холодный нож.
Ударила себя, кровь побежала…
И ничего обратно не вернёшь.
Увы! Как жаль – всего одним ударом
Жизнь человека можно отобрать.
Какой талант, увы, достался даром
Каким-то проходимцам поиграть.
И сразу слух понёсся по округе
О том, что в доме их произошло.
И тут же люди обступили кругом,
И двор народом весь заволокло.
Киеу всё лежала без дыханья,
Ту Ба над ней стояла без лица.
Смотреть на них нельзя без содроганья –
Немые лица, словно из свинца.
Потом, придя в себя, Ту Ба велела
Несчастную девицу отнести
В покои, чтоб прислуга осмотрела
И попытались лекари спасти.
Не все долги возвращены слезами,
Туманно у Киеу в голове,
И в полумёртвом сне перед глазами
Явилась та певица в синеве.

И, к ней склонившись, прошептала строго
«Тебе ещё не время умирать,
Ещё не кончилась твоя дорога
И многое придётся испытать»
Киеу долго выйти из безмолвья,
Из обморочных пыток не могла,
А бабка тут как тут у изголовья
И ласковые говорит слова:
«Ну что ты, детка, жизнь – такое чудо,
А ведь она даётся только раз.
Твои года, как будто изумруды,
Но тайный смысл скрывается от нас.
А я тебе в тот раз сказала глупость
И не пойму, как я могла сказать,
Что ты цветущую, живую юность
Должна гостям захожим отдавать.
Раз ты шагнула в дом наш сиротливый,
То знай, что ждёт тебя счастливый шанс:
Цвети и созревай, как ветка сливы.
Всё нужно делать в жизни не спеша.
Ох, напугали мы вчера друг друга,
Но ничего, все мысли злые прочь.
Подыщем мы достойного супруга
И замуж выдадим тебя как дочь».
И долго бабка хитрая шептала
Просительным, умильным голоском,

Живёт одна Киеу. Вид прекрасен:
Поля, леса зелёные гурьбой.

Художник неизвестен.

Пока в конце концов не закивала
Киеу, утерев слезу платком.
К тому же всё как будто совпадает
С советом той, что к ней пришла во сне.
Одно лишь Небо всё на свете знает.
Судьба дана, но как узнать о ней?
Обдумав всё, Киеу так сказала:
«Вы вправду слово сдержите своё?
Ведь я семейной жизни не видала,
Я ничего не знаю про неё.
Боюсь того, что налетят гуляки
И вы заставите их обслужить.
Пусть лучше разорвут меня собаки,
Чем с этим срамом в сердце дальше жить».
«Спокойна будь, – ответила Ту Ба ей, –
Душа не может душу обмануть,
А если я солгу, то птичьей стаей
Пусть мой по небу разлетится путь…»
Летят слова одно другого краше,
Киеу успокоилась, лежит.
Ту Ба позволила в высокой башне
Ей запереться и тихонько жить.
Живёт одна Киеу. Вид прекрасен:
Поля, леса зелёные гурьбой.
В окне лежит дорога с пылью красной,
Накрытой круглой чашей голубой.

Со всех сторон бескрайние просторы,
Холмы глядят песчаной желтизной.
А где-то далеко сияют горы,
Но исчезают ночью под луной.
Безрадостно глядит на всё Киеу,
Душа её пылает без огня.
А мысли всё скребут и каменеют –
Душа не может ничего понять.
И вспомнился ей Ким, с которым ночью
Она пила вино душевных мук.
И сердце вышивало алой строчкой
Её стихи в прикосновеньях рук.
Наверное, он ждал вестей из дома,
Но дом родной покинуть ей пришлось…
Как там родители живут, здоровы?
И всё ли, что задумалось, сбылось?
Она глядела с грустью на приливы,
Что после ливня листьев нанесли.
И всё мелькал, мелькал ей день счастливый,
Что удержать с любимым не смогли.
Вдали виднелся парус чьей-то лодки
И туч сплошных густая синева.
Раздался рядом птичий крик короткий,
Ей показалось, что летят слова.
Она глядела с грустью на закаты,
Что над морским заливом свечи жгли.

И слушала, как бьются волн раскаты
О скалы острые чужой земли.

Кругом один унылый вид природы.
И как тут не заплакать от тоски.
«Когда душа не требует свободы,
Рождаются великие стихи».
Произнеся на ветер эти строки,
Киеу шторы опустила… Вдруг
За стенкой, будто голос одинокий –
Послышался ей мелодичный звук.
То рифмы из её стихов звучали,
То строки плыли, сказочно легки.
Импровизация была вначале,
А получились новые стихи.
Их распевал довольно симпатичный,
Смышленый незнакомец молодой.
Одет опрятно, выглядит отлично.
И чувствуется – человек с душой.
И, вероятно, он к тому же кругу
Принадлежит, что и любимый Ким.
Он сразу же развеял тьму и скуку,
Поговорить хотелось рядом с ним.
Окольными расспросами узнала,
Откуда он и как его зовут.

Киеу даже не подозревала,
Куда её расспросы заведут.
Сквозь редкие бамбуковые шторы
Шо Кхань увидел девушки лицо.
И, под окном плетя из слов узоры,
К любезностям пришёл в конце концов:
«Как мог попасть в такой притон известный
Воистину чарующий цветок?
За что её ты гонишь, Царь Небесный?
Куда ведёт неумолимый рок?
Я переполнен нежностью и болью.
И как мне дальше с этим грузом жить?
Готов разбить я клетку и на волю
Невинную девицу отпустить».
В ушах Киеу эхом отдаются
Железные и крепкие слова.
И думы в сердце мёдом остаются,
И с болью закружилась голова.
Действительно, всю жизнь ли ей влачиться
В такой глуши в неведомом краю.
Не лучше ли сейчас освободиться
И сохранить тем молодость свою.
На риск Киеу всё-таки решилась.
Записку приготовила ему,
Где незнакомцу полностью открылась
И попросила волю ей вернуть.

Едва рассеялся туман над садом,
Как полетело слёзное письмо,
А вечером уже пред томным взглядом
Лежал ответ и радовал её.
На разрисованном листке бумаги,
Сиявшем в абрикосовом цвету,
Она прочла: «Мы с Вами в одном шаге,
Чтоб встретиться, как листья на ветру.
И двадцать первого нам в час собаки[1]
Не убежать ли из враждебных мест?»
И сердце застучало в сладком страхе:
Быть может, справедливость все жё есть.
И вот уже настал тот час урочный,
Повсюду разлилась густая хмарь.
Зашевелились ветви у восточной
Стены… И вдруг в окно залез Шо Кхань.
К нему Киеу вышла поклониться
И поздороваться как нужно с ним.
Спокойна с виду, но его боится,
Как будто перед ней любимый Ким.
«Мне участь выпала – плавучей ряской
Плыть по течению – таков мой рок.

[1] Во Вьетнаме традиционно сутки делятся на 12 равных отрезков времени, каждый из которых равен 2 часам и носит определенное название: 23:00 – 01:00 – час мыши, 01:00 – 03:00 – час быка, 03:00 – 05:00…, 19:00 – 21:00 – час собаки.

Прошу спасти меня… Как всё ужасно,
Откуда знать мне, что так мир жесток».
«Не умоляйте так, прошу послушать.
И Вы узнаете, кто я такой.
Да я готов весь этот дом разрушить,
Сравнять его с землёю и водой».
«Благодарю Вас за решимость Вашу,
Но сделайте хоть что-нибудь сейчас,
Чтоб участь неприкаянную нашу
Мы изменили бы на этот раз».
«Так у меня же конь, как ветер быстрый.
И дальний путь не страшен для него,
А если встанет куст в пути когтистый,
То рядом я – не бойтесь ничего».
Ещё Киеу мучило сомненье,
Но срок настал, и поздно отступать,
И оставалось лишь одно мгновенье –
Шагнуть и в пропасть вместе с ним упасть.
И вот они тайком спустились с башни,
Помчались друг за другом на конях.
Земля спала, черны, как дёготь, пашни,
И лишь луна виднелась в облаках.
Тянулся край унылый и убогий.
Как руки, ветки шарили во мгле,
И отдавался каждый шаг дороги
Ударом в сердце по родной земле.

И вот рассвет уже свой первый лучик
Вонзил, как меч стальной, в густой туман.
Как вдруг какой-то шорох, звук скрипучий,
И голоса промчались по холмам.
Киеу испугалась, обернулась,
Потом обратно, а Шо Кхань исчез.
Внутри неё душа перевернулась,
Вокруг остался только тёмный лес.
О бессердечный Небосвод, за что же
Ты вздумал так всё в жизни повернуть?
Погибло разом, что всего дороже.
И ничего обратно не вернуть.
И налетели всадники метелью,
Толпою злой над жертвой тяготеть.
И нет когтей – зарыться в эту землю,
И крыльев нет, чтоб в небо улететь.
Ту Ба мгновенно бросилась к Киеу,
Как вещь поволокла её домой.
И словно хвост, тащился вслед за нею
Дворовых псов её покорный строй.
Взбешённая, без всякого дознанья,
Ту Ба бедняжку стала избивать.
Ну как тут, плоть имея и сознанье,
Достоинство и честь не потерять.
И потому Киеу умоляла
Помиловать её, за всё простить.

Во всём свою вину она признала,
Просила на коленях – пощадить.
Оправдывалась: «Жизнь моя простая
И смерть моя – они теперь твои.
Растаяли, как будто снег растаял,
Надежда счастья и мечты любви.
Теперь не жаль мне жизненной дороги,
Достойно не смогла её пройти,
И больше не держусь я чести строгой,
И хоть сейчас готова в ад сойти».
Поймав Киеу на словах горючих,
Ту Ба момент не стала упускать.
Должно быть, ей сам Бог подбросил случай
Всё это на бумаге записать.
Принудила девицу расписаться
И тут же поручителя найти.
Вот так пришлось Киеу здесь остаться
И быть готовой к чёрному пути.
Из жалости к девице согласилась
Служанка взять поруку на себя.
Как мать, над ней присела и склонилась,
Стирая слёзы, плача и скорбя.
«Попала ты, бедняжечка, в ловушку.
Ну кто не знает, что Шо Кхань подлец.
Использовал тебя, как погремушку,
О сколько он разбил простых сердец.

Заранее они договорились,
За тридцать золотых он продал честь.
Такие люди вовсе разучились
По правде думать обо всём, что есть.
Мошенники всегда торгуют болью,
И ничего от них не утаишь.
Ты лучше обращайся к ним с мольбою,
Отпором ты себе лишь навредишь».
«Он клялся. Я не ожидала боли,
Не знала, как коварен человек.
Ведь даже мышь, ночующая в поле,
К себе в нору пускает на ночлег».
И не могла Киеу всё ж поверить,
Что можно так вот просто обмануть.
А между тем Шо Кхань уже у двери,
Нахальный и готовый упрекнуть:
«Слыхал я, тут нашлась такая девка,
Пустившая здесь про меня молву,
Что соблазнил на бегство её, дескать.
Хочу в глаза ей наглые взглянуть».
В ответ – Киеу: «Я молчу покорно
И ничего не буду замечать».
Шо Кхань, однако, оскорблял упорно
И уж хотел ударить сгоряча…
И тут Киеу просто не стерпела,
Ведь правда есть и есть на свете честь.

«Но до какого всё-таки предела
Всё это будет продолжаться здесь?!
Вот Ваш листок, он со словами клятвы.
Забыли Вы, что написали мне!
Конечно, Вы ни в чём не виноваты,
И я прошу вас выйти в тишине».
Правдивые слова пред всем народом
Прогромыхали в доме словно гром.
Шо Кханя те сочли неблагородным,
А эти, не стесняясь – подлецом.
Повесу это, в общем, не задело,
Но всё же он ушёл, схватив сполна.
Одна осталась в комнате Киеу
Поплакать горько, сидя у окна.
«О целомудренная моя юность,
Ты бедствуешь, ты запылилась вся.
И красота девичья обернулась
Вороной чёрной, счастье унося.
А я могла, я многого хотела,
Но наша жизнь сурова и сложна.
Осталось мне расплачиваться телом
За всё, что я судьбе моей должна».

У неба чёрного с луной беседа,
Но скоро ночь день будет целовать.

Ту Ба зашла несчастную проведать
И стала ей советы выдавать.
«Довольно хитроумное сплетенье
В делах любви, где вечная весна.
Должна ты научиться без сомненья
Всем тонкостям такого ремесла».
«Зачем учиться? Сердце охладело
И выстужено вихрями разлук.
И я спокойно предоставлю тело
Для всех утех безбожных и услуг».
Разоткровенничалась бабка сразу:
«Владея этим древним ремеслом,
Должна уметь ты словно по приказу
Исполнить всё, без мыслей о былом.
Владеть собой и тайнами простыми:
Где обнажить, а где прикрыть себя.
Запомни, ночью гость твой не остынет,
Когда глаза с желанием глядят».
Киеу молча выслушала бабку,
От наставлений побледнев лицом.
Как разгадать небесную загадку,
Ей посланную в этот мир Творцом?
Ей стало горько от звезды далёкой,
Она любовью счастлива была,
А вынуждена постигать уроки
Такого низменного ремесла.

И наставленья старой проститутки
Закатом красным на лицо легли.
Глаза, как голубые незабудки,
Чуть распустившись, тотчас отцвели.
Наутро не успела свистнуть птица,
Как было всем объявлено о том,
Что появилась новая певица
С серебряным и тонким голоском.
Не сосчитаешь, сколько налетело
Шмелей сластолюбивых, мотыльков.
И каждый за её нагое тело
Большие деньги выложить готов.
И месяц шли за месяцем гулянья,
Смех раздавался ночи напролёт.
Одни уйдут – уж новые свиданья,
И свежая компания идёт.
Лишь изредка к концу ночных разгулов,
И от похмелья малость протрезвев,
К утру Киеу разжимала скулы,
Чтобы поплакать, на постель присев.
«Ведь было время, я в шелку купалась,
И настоящая была любовь…
Как так случилось, Боже, что досталось
Мне ублажать шмелей да мотыльков?»
Бесчувственной Киеу оставалась
Ко всем, кто к ней случайно заходил.

И сердце больше не воспламенялось
Весенней страстью розовых светил.
О сколько раз к ней наклонялись ветви
С душистыми цветами – абрикос.
И как ласкал ей щёки тёплый ветер,
А утром белый снег в окне – мороз.
Но все эти заоблачные виды
Лишь навевали на неё тоску.
Ведь человек прекрасного не видит,
Когда грустит и плачет в пустоту.
А сколько раз бралась она за кисти,
Изобразить пыталась эту жизнь.
А сколько раз стихи её и мысли
Никак для песни не могли сойтись.
Всё безразлично ей – и шум бамбука,
И плеск ручья серебряной воды.
Когда-то ведь от маленького стука
Душа её летела с высоты.
И всё сильнее раздирал ей сердце
Запутанный несчастьями клубок.
О мир, всегда с открытой смерти дверцей,
Как ты наивен, скуден и жесток.
Но хуже всех страдания терзали
О том, что дома, в дальней стороне,
Её родные не подозревали,
О чём она здесь плачет при луне.

Ведь год от года жизни их к закату
Клонились, словно ветки спелых слив.
«Удастся ли сестре моей и брату
Всё сделать за меня, не погрешив?»
Киеу часто вспоминала Кима
И думала, вернулся ли домой.
Смогла ли Ван обнять его, как ива,
Что надо было сделать ей самой.
Бежали дни, как листья облетали,
Закат один сменял другой закат.
Всё по местам Творец давно расставил,
И не понять, кто прав, кто виноват.
Всё в равновесии должно быть строго:
И если ты был одарён лицом,
То знай, несчастий в жизни будет много –
Судьба и мир закованы кольцом.
И вот уж месяц за окошком новый,
И дни горят, как осени костры.
Приехал как-то юноша весёлый
С товаром лавку в городе открыть.
Узнав о том, что в тереме зелёном
Живёт особа чудной красоты,
Он поспешил ей передать с поклоном
Визитку и лиловые цветы.
Едва рукой откинув занавеску
И оказавшись в доме рядом с ней,

Тхук Шинь застыл, и словно моря всплески –
О грудь ударило волной страстей.
Как будто бы камелии пахучей
Пред ним раскрылся розовый бутон,
Как будто в небе грозовые тучи
Сверкнули молнией со всех сторон.
Свежа, легка весенняя прохлада,
И мягкий свет луны на плечи лёг.
В такую ночь отодвигать не надо
Ни чувства, ни желаний кипяток…
С тех пор Тхук Шинь бывал в том доме часто,
Дом утопал от розовых цветов.
Как мимолётно начиналась счастье,
Но как оно переросло в любовь!
Отец уехал как-то на скрипучей
Повозке в свой уезд дела решать.
И вот он наконец, счастливый случай –
Ни днём, ни ночью рук не разнимать.
То на веранде прохлаждались вместе,
То любовались ясною луной,
То заливались соловьями в песне,
То пили дружно красное вино.
Без устали вверялись наслажденьям,
Чего ещё от молодости ждать.
Поймём ли, как они своим весельем
Способны все устои расшатать.

К тому ж Тхук Шинь привык гулять богато
И деньги, не скупясь, за всё бросать.
А бабке старой это-то и надо…
Клиент попался, надо вам сказать.
Ту Ба была хитра и дело знала,
Киеу стала лучше наряжать.
А в день, когда расцвёл гранат, сказала:
«Давайте в лепестках её купать!»
Прислуга воду кипятит для ванны,
И пар горяч, и капельки блестят.
Воздушных штор прохладные туманы
Прозрачным облаком вокруг висят.
Идёт Киеу в шёлковом халате,
Дощатый пол ей ножки холодит.
Вот-вот вода её сейчас обхватит,
Обнимет ласково и утомит.
Последний шаг… и плечи обнажились,
А следом на пол соскользнул халат.
Как линии природы уложились
На этом теле, роднике услад!
Тхук Шинь, любуясь ею, восхищался,
Из уст его стихи летели ввысь.
Он с нею словно в небо поднимался,
Все дни перед глазами пронеслись.
Киеу отвечала: «Ваши строки
Прочны и безупречны, как нефрит.

И каждый слог свободный и широкий,
Как на парче узорчатой нашит.
Ну а теперь, Вы знаете и сами,
Мне надлежит ответ Вам сочинить.
Всё объяснить подобными стихами
И, кстати, Ваши рифмы применить.
Но быстро сочинить я не сумею.
Тоскую я по дому моему
И за родителей моих болею,
Случится что – не выдержу, умру.
Итак, стихи ответные за мною,
Но Ваши рифмы мне большой урок,
И я не сразу напишу, не скрою,
Но буду помнить, что за мной должок».
«Признаться, я смущён, мне незнакома
История вот эта, но вопрос:
Не веточка ли разве Вы от дома,
Который в землю здесь корнями врос?»
Глаза девицы – ясные озёра –
Вдруг помутнели сразу, словно ил
Со дна поднялся. Дальше разговора
Уже не вышло, не хватило сил.
Киеу лишь добавила украдкой:
«К чему нам речи длинные теперь.
Скажите, разве Вам со мной не сладко?
Зачем тревожить дни былых потерь?»

Тхук Шинь ответил: «Я в душе лелею
Наполненные счастьем наши дни,
И ни о чём, поверьте, не жалею
И клятвою скреплю союз любви.
Не раз я думал завязать мой узел,
Мой прочный узел брака и любви,
Но должен знать я Ваши дни и узы,
С кем и когда Вы время провели».
В ответ Киеу юноше сказала:
«Я Вас должна за всё благодарить.
Так близко никого ещё не знала,
Однако всё же хочется спросить.
Да, в этом доме молодость и свежесть.
Цветы горят, роса на лепестках,
Но сохранит ли Ваше сердце нежность,
Когда спадёт вся яркость на цветках?
К тому же есть у Вас уже супруга,
Вам с ней детей рожать и долго жить.
Ведь третий – лишний для такого круга.
Как Вы любовь хотите поделить?
А я всего лишь ряска на болоте,
Куда несёт, туда я и плыву.
Зачем меня Вы в дом к себе зовёте?
Ведь я позора не переживу.
Быть может, Вы хозяин в доме строгий
И защитите от всего меня,

Но если вдруг жена – хозяйка многих
Желаний ваших и родник огня,
Тогда мне нет житья, а на планете
Вина моя не сможет умереть.
Быть может, тяжелей всего на свете
Слезу и ревность женскую терпеть.
Ещё над Вами властвует родитель,
Позволит ли он Вам меня принять?
Ведь он – ещё один распорядитель,
Пред кем я буду голову склонять.
Я опасаюсь лишь за Вашу участь.
А если так же любите меня,
Обдумайте серьёзно каждый случай,
Что может в корне жизнь всю поменять.
Обдумайте все выходы и входы,
И я готова подчиниться Вам.
И пусть любви невянущие всходы
На небо тянутся к своим цветам».
«Откуда в Вас рождаются сомненья
Далёкие, как в море корабли?
Мы разве не делили наслажденья,
Не утопали в счастье от любви?
И если прочен наш союз, как камень,
И тонут ласки в золотом огне,
То нипочем судьбы нам жаркий пламень
С песчаной бурей в жёлтой пелене».

Обговорили всё и обсудили,
И так до каждой мелочи дошли,
А после всё, что поняли, запили
Кровавой клятвой истинной любви.
Шептались ночью длинными речами
А летом ночь, увы, так коротка…
Тхук Шинь Киеу с первыми лучами
Взял да увёз к себе из городка.
Продумал всё, как выкупить должницу,
1970. И честь вернуть, и имя возродить.
И у Ту Ба от грамоты страницу
Купил – а с ней, как люди, можно жить.
И тотчас их следы, скажи на милость,
Ушли подальше от порочных уз,
И счастье двух сердец соединилось
В невиданный, неслыханный союз.
Чем глубже, как в пучине океана,
Тонули их супружеские дни,
Тем выше вылетали из вулкана
1980. Кипучей лавы красные огни.
Всё пламенней огонь их сладострастья,
Прелестнее девичий первоцвет.
Полоска звёзд висит, как на запястье
С серебряными искрами браслет.

А на дворе уже пылает осень,
То листья красные летят, летят…
Влюблённые на сердце счастье носят,
Не замечая никаких преград.
Но тут вернулся и отец Тхук Шиня,
1990. И, вызнав всё, что сын здесь натворил,
Рассвирепел и даже слышать имя
Не захотел – Киеу невзлюбил.
Семью спасая и поддавшись гневу,
Он мысленно влюбленных разлучил
И объявил: Тхук Шинь вернёт Киеу,
Вернёт туда, откуда получил.
Тхук Шинь молил, колено преклоняя:
«Я знаю, что грехи на мне лежат,
Но дело сделано, любовь земная
2000. Всё победила – поздно уезжать.
А коли Вам, отец, всё не по нраву,
Хотите жизнь испортить молодым,
То я готов принять дурную славу
И поступиться именем моим!»
Услышав речи твёрдые, как камень,
Отец в тревоге бросился к судье,
Рассказывал и разводил руками,
Пытаясь прежний мир вернуть семье.
И вот отец и сын во двор заходят,
2010. Садятся врозь, напротив судии.

Отца и сына взглядом он обводит –
Такой ответ услышали они:
«Известно, люди любят развлеченья,
А девка ведь мошенница небось.
Хотела вымолить у Вас прощенья,
Да вся её любовь видна насквозь.
Цветок измятый и без аромата,
Хотела пудрой скрыть потёртый вид.
Бесспорно, молодая виновата,
Принять ей наказанье предстоит.
Пусть выберет сама свой жребий жалкий,
Уйти ли ей назад в зелёный дом
Иль искупить через удары палки
Деянья, сотворённые тайком».
Ответила Киеу: «Я забыла
Зелёный дом бесстыдный навсегда,
Я замужем, я честно полюбила,
Пусть лучше палка бьёт меня тогда».
«Ну что ж, – ответил им тогда начальник, –
Видите девку, высечем её».
И вот Киеу с голыми плечами
Закована в железное литьё.
Заполнился ударами и свистом
В пыли сухой казённый старый двор.
Но не слыхать ни воплей в небе чистом,
Ни плача через тоненький забор.

Лишь слёзы по щекам текли Киеу
На порванное платье на полу.
И синяки расплавились по телу,
Как пятна слив, растоптанных в саду.
Тхук Шинь всё это видел и сдержаться
Не мог, упал на землю – причитал:
«Из-за меня придётся ей расстаться
С той красотой, которую я знал.
О лист осенний, на руку упавший,
Когда теперь вернётся к нам весна?
Ну почему, ну почему я раньше
Не слушал то, что говорит она».
Судья услышал горестные муки,
Сочувствие ему стеснило грудь.
И стал допытываться он до сути,
Быть может, упустил чего-нибудь.
Тхук Шинь, волнуясь, молвил со слезами:
«Она ведь всё предвидела тогда:
И то, что будет ссора между нами,
И то, что ждёт её в семье беда.
А я хвастливо ей тогда сулился,
Что все возьму невзгоды на себя.
Но первый же экзамен провалился,
Не смог я защитить её, любя».
Лицо судьи мгновенно изменилось,
Он жалость испытал к грехам чужим

И тут же злобный гнев сменил на милость,
Подсказывая выход молодым:
«Ну, если правда всё, что ты поведал,
То хоть была она из тех особ,
Что под луной в один лишь шёлк одеты,
Однако не бросает в небо слов».
«И хоть её постигла злая участь, –
Тхук Шинь добавил, – всё-таки она
Начитанна, любой опишет случай
Стихами, вдохновенными сполна».
Судья сказал с улыбкой: «Что ж, прекрасно.
А коли так, Киеу, напиши
Стихи о том, как ты была несчастна,
Но, зная всё, молчали камыши».
Киеу, повинуясь, написала.
И тут же строки вынесла на суд.
Судья стихи прочёл, взглянул устало,
Сказал: «Пускай бумагу принесут.
Запишем так, что молодые эти
Отныне будут мужем и женой.
Таких людей талантливых на свете
Ещё нам поискать, отец, с тобой».
И повелел правитель приготовить
Всё для богатых свадебных столов.
А молодые даже слово молвить
Не могут – не осталось больше слов…

При ярких факелах, под звёздным небом,
Сопровождают шествие цветы.
А флейты и бубенчики, те следом
Играют, как с небесной высоты.
До самого порога паланкины
Молодожёнов рядышком несли.
Огни горели, словно апельсины,
И занавески розами цвели.
Все примирились, все друг другу братья.
Любовь осилила и тьму и гнев.
Так обретают счастье и объятья,
Все горести и муки претерпев.

И покатились времени колёса
В занятиях семейных и простых.
Прошла весна с цветами абрикоса,
Настала осень листьев золотых.
И вот однажды в сине-лунном свете,
Когда они лежали на спине,
Киеу вдруг спросила на рассвете
Любимого о первой той жене:
«Уж ровно год как мы живём друг с другом,
А весточки Вы не послали ей.
Не станет ли всё это новым кругом
И страшным бедствием для наших дней?

Узнала я, что первая супруга
Суровый нрав имеет и язык.
О нас уже судачит вся округа –
Какой она повесит нам ярлык?
К тому же мы не знаем, что случилось.
Быть может, ждёт она Вас у крыльца?
Не лучше ли Вам съездить к ней на милость
И все дела уладить до конца?»
С утра Тхук Шинь решился на поездку,
Собрал пожитки. Доложил отцу.
Оконную откинул занавеску,
Рукой провёл Киеу по лицу.
Река разлуки воду льёт и кружит,
В неё попробуй счастье отпусти.
Бежит Киеу попрощаться с мужем
И пожелать счастливого пути.
Глаза в глаза не могут оторваться,
Рука в руке, как веточки сплелись.
И надо бы уже им распрощаться,
Да всё никак не могут разойтись.
И наконец Киеу пожелала:
«Прошу Вас, сделайте всё так легко,
Чтоб наша звёздочка ещё сияла,
Чтоб в небе не достал её никто.
Я понимаю, сложно будет молвить
О том, что новая у Вас жена.

Пускай вначале бьёт гроза и молний
Свет ослепит – не Ваша в том вина.
Всё лучше, чем скрывать от Неба правду,
Она всегда проявится в ночи.
И звёзды лягут Вам на грудь в награду,
И свет моей увидите свечи».
Слова прощанья с грустью умолкают,
Пора уже Тхук Шиню отъезжать.
Киеу полу платья выпускает,
Не смея больше боль свою держать.
И долго мужу вслед она смотрела,
Пока он вовсе в поле не исчез.
Домой вернувшись, со слезами села,
Теперь лишь тень спускалась к ней с небес.
Кто распилил, и поровну при этом,
На звёздном небе белый лунный диск,
Где половинка моет скатерть светом,
Другая моет на дороге лист?

V

И вот дорога растянулась пряжей,
Бьёт барабан в наскучившую синь.

А мы пока что вам о том расскажем,
Как встретились Хоан Тхы и Тхук Шинь.
Хоан Тхы – дочь богатого министра,
Умна, красива, статна и горда.
Дела семейные решает быстро,
Решительна в хозяйстве и тверда.
Две благородные семьи связали
Давно из ниток шёлковых клубок.
Они ведь даже не подозревали,
Какой их ждёт впоследствии урок.
Как Хоан Тхы услышала о муже,
Что в цветнике он розу посадил –
Душа её – как в небе голубь кружит,
А сердце жжёт ей тысяча светил.
И ревности заколосились всходы,
И гнева злобного цветёт весна.
Обидно ей, что слухи лишь доходят,
А от супруга даже нет письма.
«Признался бы мне честно – я б простила
И приняла, как старшая жена.
Не для того я розы посадила,
Чтоб раздавать из дома семена.
Ну, коли он обманом всё завесил
И предлагает ничего не знать,
То скоро он таких дождётся песен,
Что их не сможет ей пересказать.

Я так устрою, что они не взглянут
При встрече друг на друга, а потом
На деревянные кровати лягут,
Как пара веток, срезанных ножом.
Уж я прижму слушок этот базарный,
Никто не сможет честь мою топтать.
Пускай узнает он, неблагодарный,
Решившийся жену свою предать».
Хоан Тхы месть вынашивала долго,
Хранила в сердце тайные дела,
Из дома слухи выметала строго,
Молву худую на смех подняла.
Она и танцевала, и смеялась,
И ярче не бывало огонька,
Но днём и ночью в ней кипела ярость
На скрытые проказы муженька.
И тут подъехал сам Тхук Шинь к воротам
И соскочил с ретивого коня…
И песня прозвучала как по нотам,
И встреча их была светлей огня.
Любовь в дороге крепнет от разлуки,
Что тут рассказывать, что тут скрывать.
И сами тянутся друг к другу руки,
И губы хочется поцеловать.
Тхук Шинь приехал всё сказать супруге,
Да вот начать не может разговор.

К тому же здесь, по всей большой округе,
Как райских птиц поёт согласный хор.
А Хоан Тхы нарочно молчалива
И весела, и ласково пьяна.
Ни волоском, ни словом щекотливым
Не прикоснулась к тайному она.
Дни шли, а Тхук Шинь так и не решался
Ей рассказать о том, что с ним стряслось.
Он словно заново в неё влюблялся,
И всё само собою улеглось.
Но ненароком в болтовне беспечной,
Как будто в шутку, скажет вдруг она:
«В такой закат, душистый, бесконечный,
О тайнах говорит нам тишина.
Я тут услышала смешные вести,
Что где-то там Вы с бабочкой ночной
Под юною луной летали вместе
И наслаждались ласкою земной.
Хоть, правда, не сильна я на догадки,
Но не поверила дурным вестям.
Ведь наши благородные порядки
Нам предаваться не дают страстям».
Тхук Шинь подхватывал её простые
Слова, поддакивая каждый раз.
И чаще приносить он стал цветы ей,
И приходить к ней в спальню в поздний час.

Так незаметно молодой хозяин
Привык к семье, домашнему столу.
Но снова осень с жёлтыми глазами
Послала в дом из прошлого стрелу.
Затосковал Тхук Шинь, но об отъезде
Не заикался, чтоб не поняла…
Но Хоан Тхы коварная – возмездье
Готовила и этого ждала.
«Уж год как Вы отца не навещали,
А он ведь стар, не может приезжать.
Вам надо съездить, Вы же обещали
Заботиться о нём и навещать».
От этих слов как будто камень с сердца
Свалился вдруг и выпал из груди.
Он сразу бросил на коня седельце
И долгий путь увидел впереди.
Едва отправился Тхук Шинь в дорогу,
Собралась Хоан Тхы в свой новый путь.
Карета принесла её к порогу,
Где к матери она смогла прильнуть.
И разлилась беседа ароматом
Зелёных трав и спелых жёлтых слив.
И слёзы лились горько до заката,
И голосов печальный перелив.
«Туда поехать, где теперь мой милый,
В карете надо целый месяц жить.

А я теперь хочу собрать все силы
И морем поскорей туда доплыть.
Найму я судно и с командой крепкой
Его отправлю за девицей той.
Пускай мне привезут её хоть в клетке,
Верёвкой перевязанной тугой.
Пускай она почувствует страданья
Все те, что мне пришлось душой принять.
Пускай она увидит расстоянье,
Что может в сердце пропастью лежать».
Хвалила дочку мать за план хороший,
Дала ей волю полную во всём:
«Мы вычистим весь огород заросший,
Мы счастье и любовь твою спасём».
И тотчас снарядили в бухте судно,
Настроили канаты, паруса.
Найти людей для тёмных дел нетрудно:
Лишь свистни – набегут за полчаса.
Последние наказы изучают
Морские волки огненной земли.
И вот уж волны шумные качают
Кораблик с белым парусом вдали.
С тех пор лишь тень – подруга для Киеу…
И вот однажды с пламенем в груди
Киеу вдруг воскликнула: «Уеду!
Хоть всё на свете разом пропади!

Как там мои родители, не знаю,
Ведь им теперь уже так много лет.
Я нежно их люблю, добра желаю,
На их любовь достойный дам ответ.
Я локоны отрезала для клятвы,
Но вижу, снова отросли они.
Хранит ли Ким листочек тот измятый,
Где кровью расписались мы в те дни?
А у меня судьба жены-служанки,
Вьюнком заборным расстилаюсь тут.
Дождливый день навряд ли будет жарким,
Пускай с водой хоть слёзы утекут.
Зачем так жизнь обходится жестоко?
Где мой очаг, где мой родимый дом?
Не лучше ли томиться одиноко,
Как та луна, что в тереме ночном».
Холодный ветер занавески трогал,
А звёзды – словно слёзы в темноте.
Зажгла Киеу палочки и Бога
Просила о семейной теплоте.
Едва она взялась шептать молитвы,
Как видит вдруг: шевелятся кусты,
И с диким криком, как во время битвы,
Злодеи вылезли из темноты.
Бандиты напирали, свирепели,
Кто нож достал, а кто большой топор.

И, не успев опомниться, Киеу
Упала от снотворного на пол.
Её тотчас за руки подхватили
И уложили поперёк седла.
А дом её, как факел, запалили –
Пусть думают, что девка умерла.
А следом труп девицы незнакомой
Подбросили они в горящий дом.
Когда в огонь и пепел труп закован,
Попробуй опознай его потом.
Все разбежались в панике и страхе,
Но, только дом в огне заполыхал,
Опять слетелись слуги, словно птахи,
И каждый что-то звонко щебетал.
Вздыхали, охали, водой тушили,
Отец Тхук Шиня всё искал, искал
Киеу, но пожар шагал всё шире,
Неужто впрямь огонь её забрал?
Когда остались дым и пепелище,
Цветы огня на углях отцвели,
Они зашли в сгоревшее жилище
И в спальне кости чёрные нашли.
Сомнений нет, Киеу задохнулась.
Откуда знать, что это был подлог.
Семья от горя в слёзы окунулась,
Отец горючих слёз сдержать не мог.

Киеу хоронить велел по чести,
Чтоб было всё везде соблюдено…
Кому дано проплыть на лодке вместе,
Сгореть в огне разлук не суждено.
Когда зола сгоревшая остыла,
Приехал сын и к дому поспешил,
Но встретила его жены могила
И боль его страдающей души.
Он рухнул на колени и заплакал:
«Какую женщину я потерял!
Я встречи ждал с рассвета до заката,
Но грозный рок нас с нею покарал.
Я чаял встречи – ветки абрикоса
С бамбуком стройным под луной в саду.
Теперь, как камни, катятся с откоса
Мои слова и слёзы на беду».
В уезде даоистский прорицатель
Жил по соседству, многое умел.
Он был миров умерших обитатель
И с духами вести беседу смел.
Тхук Шинь к нему отправился немедля,
Надеясь о Киеу всё узнать.
Скромна монаха маленькая келья,
И под одеждой тела не видать.
Он закурил златые благовонья,
Сел на колени и закрыл глаза.

Открыл пришедшим белые ладони
И словно духом в небо ускользал.
Когда же дух его вернулся к телу,
Сказал он тем, кто жадно ждал вестей:
«Не смог я в небе встретиться с Киеу,
Но в «Книге судеб» прочитал о ней[1].
Киеу путь земной ещё не прожит,
На ней висят тяжёлые долги.
Пока она отдать долги не сможет,
Не кончатся в пути её шаги.
Она в беде, но дальше что случится,
Узнать мы можем только через год.
Разлука в дом отчаянно стучится,
Любовь дорогу к дому не найдёт.
И вот загадка: эта пара будет
Лицом к лицу не раз ещё сидеть,
Но встретиться глазами эти люди
Не смогут. Как им рок этот терпеть?»
Слова монаха показались ложью,
Как можно с мёртвой править обиход?
И зашагал Тхук Шинь по бездорожью,
Он знал: такой любви он не найдёт…
Прекрасная Киеу, разве можно
Уйти туда, где тишь и благодать?

[1] См. сноску 1 на стр. 53.

На самом деле в этом мире сложном
Ещё при жизни можно в ад попасть.

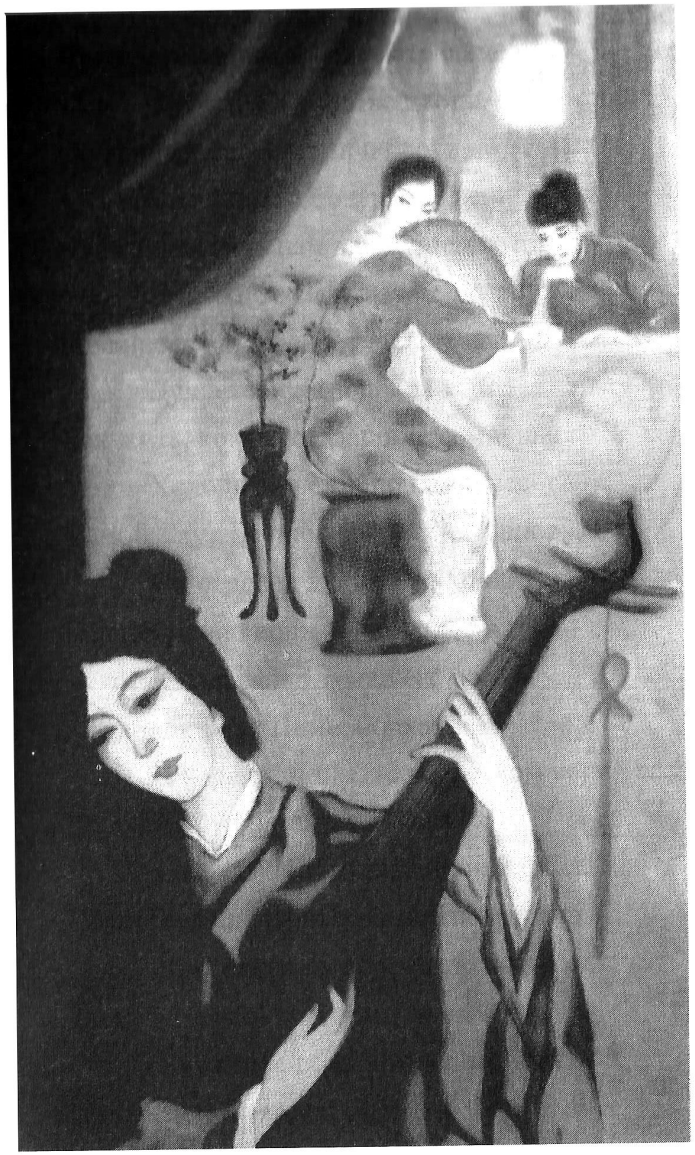
И вот бандиты Хоан Тхы на славу
План воровства на свет произвели
И, в тихом доме совершив облаву,
Тайком Киеу в лодку унесли.
И, бросив в трюм, отчалили немедля.
Пузатый парус скорость набирал.
Закат на небе, словно в кубок медный
Вино победы солнцем наливал.
И не успела лодка в берег ткнуться,
Как банда их уже на берегу.
И вот уж пленницу несут, смеются,
Хотят быстрее получить деньгу.
Велела госпожа нести бедняжку
Скорее в дом, чтоб в чувства привести.
Плеснули на лицо воды ей чашку
И начали, как яблоню, трясти.
Киеу, пробудясь, не понимала,
Куда она попала, почему.
Вокруг дворец, блеск золотого зала,
Всё в пелене туманной, как в дыму.
Подняв глаза, увидела Киеу,
Что госпожа сидела перед ней.

Был светлый день, но попусту горело,
Сверкало всюду множество свечей.
Выпытывать хозяйка стала сразу
О личной жизни и на что годна,
Но, первую в ответ услышав фразу,
Как ярый гром, обрушилась она:
«Да ты ж из тех, кто к лени и разврату
Привыкла с молодых своих ногтей.
Небось и здесь за нищенскую плату
Готова обслужить моих гостей.
И нечего невинной притворяться,
Продажна ты, и это ясно мне.
А чтобы недотрогой не казаться,
Получишь тридцать палок по спине».
И вот, как будто хлопают в ладоши,
Посыпались удары, как горох.
Кто вынести все эти казни может?
Неужто жизнь один сплошной подвох?
Велела госпожа служанкой Хоа
Киеу в доме впредь именовать,
Чтоб не был даже слышен её голос,
Чтоб невозможно было и узнать.
Но, к счастью для Киеу, экономка
Всем в доме доброй матерью была,
Умела вынуть из души иголки,
И под крыло, как птица, всех брала.

Бывало, говорила ей украдкой:
«Тебе судьба несчастная дана,
Неси её достойно, не с оглядкой,
Плати за всё – и будешь спасена.
Над телом и душой вершится кара.
Круг прошлой жизни – твой греховный путь.
Но, как бы жизнь тобою не играла,
Всё повторится, нужно круг замкнуть.
Тебе и здесь страдание даётся,
Запомни, эти стены слышат нас,
И если вдруг знакомый попадётся,
То от него скрывайся в сей же час».
Расплакалась Киеу, не сдержалась,
И всё ей думалось, что полон круг
Её судьбы, что ни печаль, ни жалость
Не подадут своих костлявых рук.
Но участь горемычная земная
За что её пытает красоту?
Добро и зло так верно различая,
За что талант бросает в пустоту?
Уже не раз хотела жизнь покончить
Киеу и уйти в небытиё.
Но звёздные таинственные ночи
Горячей тайной мучили её.
И вот представился счастливый случай:
Дочь госпожи приехала домой.

Ей, молодой, во всех делах везучей,
Недостает прислужницы одной.
Пошла служанка Хоа с молодою
Хозяйкой в дом к ней – верно послужить.
Сумела ласково умыть водою
И волосы красиво уложить.
Хозяйка как-то вечером спросила,
На лютне может ли Хоа играть.
Хоа, взяв инструмент, глаза закрыла
И струны начала перебирать.
Мелодия тянулась сладким мёдом,
Иные открывала берега.
Задумалась хозяйка о высоком
И к Хоа не была уже строга.
«Вот облака бегут, лучом играя,
Под синим небом, над чужой землёй.
Гляжу я в сторону родного края,
Но как узнать, стоит ли дом родной?
А дни бегут, и месяц хлопнул дверцей.
Я не могу понять лишь одного:
Моя любовь ещё таится в сердце,
Но есть она ли в сердце у него?»

Немало дней Тхук Шинь провёл в печали,
Такой в душе не знал он пустоты.



И музыка рекою потекла.
Из глаз, как жемчуг, падали слезинки.
Художник Ле Лам.

Прошла зима, и вот уже встречали
Его опять весенние цветы.
Он вспоминал её глаза и брови,
Она ушла, и больше не вернуть.
Что наша жизнь нам в будущем готовит?
Никто не знает, в этом-то и суть.
Больное сердце просит исцеленья,
Душа тоскует и покоя ждёт.
Как жить, когда всегдашние сомненья
Холодный ветер по полю несёт?
Домой Тхук Шиню возвратиться впору.
Он оседлал любимого коня.
Как медленно конь поднимался в гору,
Как ласково туман его обнял.
А у ворот Тхук Шиня поджидала,
В нарядном платье, с блеском карих глаз,
Красивая супруга, для начала
Готовая обнять без лишних фраз.
Горячей, вспыльчивой была их встреча…
Уж солнца луч бежит по потолку.
Зовёт хозяйка, чтоб пришла на вечер
Служанка поклониться муженьку.
Идёт Киеу, а сама не верит
Глазам своим и чувству своему.
А вдруг и вправду отворятся двери,
И в них Тхук Шинь предстанет наяву.

И вот уже Тхук Шинь сидит пред нею,
И стало ясно всё ей до конца –
Как просто люди обмануть умеют
И как коварны смертные сердца.
Хозяйка, с виду добрая такая,
О разном толковала вкривь и вкось,
Но, белым жемчугом зубов сверкая,
Она скрывала под улыбкой злость.
И кем теперь Киеу быть при муже?
Служанкой преданной или женой?
Клубок сомнений затянулся туже,
Как будто стянутый чужой виной.
Из страха перед властною хозяйкой
Киеу поклонилась и ушла.
У каждого поступка есть изнанка –
Не каждый стерпит чистая душа.
Тхук Шинь застыл и вымолвить боялся
Хотя бы слово – так похолодел.
До дрожи в сердце он сидел, держался,
Но удержать слезу всё ж не сумел.
Заметив это, Хоан Тхы спросила:
«Что за печаль? Ведь Вы вернулись в дом».
Ответил он поспешно, что не в силах
Держать о смерти мамы в горле ком.
«Хотя я траур снял необходимый
И ехал, чтобы встретиться с женой,

Но жалость движет чувствами моими --
Скорбь по родителям всегда со мной».
В ответ супруга щедро похвалила:
«Какой Вы любящий и чуткий сын!
Есть в Вашем сердце родственная сила,
Вы лучший друг, достойный господин.
Давайте пир устроим в доме нашем,
Дорожной грязи смыться суждено.
Пусть Ваша боль утонет в полной чаше.
А ну, несите лучшее вино!»
И тост за тостом пьётся всем на зависть.
А рядом, словно белая стена,
Стоит Киеу, чувствами терзаясь,
И подливает терпкого вина.
То крикнет Хоан Тхы, то заторопит,
То заставляет голову склонить.
Что в душах всех влюбленных происходит
И как с любовью нам на свете жить?
Когда бокалы наполняла Хоа,
Невольно прикасалась к волосам.
Сидел Тхук Шинь, вино пил дорогое
С солёными слезами пополам.
То вёл себя развязно, то спокойно,
То хохотал, то молча он сидел.
И наконец сказал, что пил довольно
И что ему пора уйти к себе.

Хоан Тхы прошипела тут Киеу:
«Служанка Хоа, Тхук Шинь нужен мне.
Упустишь ты его – дам волю гневу,
Сто палок ты получишь по спине».
А у Тхук Шиня сердце горевало,
И как понять тут, чья была вина.
Но чашу, что Киеу наливала,
Он, разом опрокинув, пил до дна.
А Хоан Тхы опять своё твердила
И притворялась, что совсем пьяна.
Всё новые затеи находила,
Желая пир продолжить дотемна.
«Служанка наша от души рыдает
И может чувства в музыке излить.
Сейчас она нам что-нибудь сыграет
На лютне, чтобы нас повеселить».
Хозяйка властно ей рукой махнула,
И вот Киеу, хоть едва жива,
Собралась с духом, лютню притянула,
И музыка рекою потекла.
Из глаз, как жемчуг, падали слезинки.
Тхук Шинь хотел их тайно утереть,
Но Хоан Тхы заметила ужимки
И вновь на Хоа начала реветь:
«Зачем ты музыку с тоской связала
На нашем с мужем праздничном пиру?

Сама не понимаешь, что играла,
Ну завтра я с тобой поговорю».
Тхук Шинь тянул улыбку через силу,
Старался ярость женскую унять.
Часы три раза на стене пробили,
И все давно уже хотели спать.
Да и хозяйка насладилась вдоволь
Своим умом и хитростью своей.
Бывает, что одно и то же слово –
И воробей, и звонкий соловей.
Супруги в спальню удалились вместе
И ложе разделили на двоих,
А у окна Киеу дуб повесил
Невидимый прохожим лунный стих:
«Теперь я вижу женское коварство,
Ревнивость женщин, их готовность лгать.
Любви и верности святое царство
Они готовы дружно осмеять.
Старались злобно, чтобы мне с Тхук Шинем
Отныне никогда не быть вдвоём.
И доброе моё исчезло имя,
Потеряно навек во тьме времён.
И если одолею все напасти,
Былого счастья всё же не видать.
Ведь если одному даётся счастье,
Другому полагается страдать».

Киеу, плача, у окна сидела.
Осталось лишь надеяться, терпеть.
А ночь со звездами в окне летела,
Но с ней Киеу вдаль не улететь.

И день, и ночь Киеу служит в доме
Супругам и хозяевам своим.
Такой жестокой, страшной женской доли
Не пожелаешь даже и чужим.
И вот, служанку встретив в коридоре,
Несчастную, с заплаканным лицом,
Спросила Хоан Тхы, какое горе
В её слезах зашло к ним в старый дом.
Киеу отвернулась и смутилась,
Но, подбирая тщательно слова,
Сказала, что беды с ней не случилось,
А просто разболелась голова.
И Хоан Тхы к супругу обратилась,
Чтоб он узнал, о чём она грустит.
И прежде у Тхук Шиня сердце билось,
Теперь как ветка под ногой хрустит.
Открыто заступаться неприлично,
Но и смотреть на это невтерпёж.
Спросил тогда Тхук Шинь Киеу лично:
«О чём же ты всё время слёзы льёшь?»

Киеу всё бумаге рассказала
И, преклонив колени, поднесла.
Тхук Шинь бумагу, не взглянув в начало,
Отдал жене, чтобы она прочла.
Жена, глазами пробежав по строчкам,
Как будто сердцем тронулась чуть-чуть:
«Талант подобен молодым цветочкам,
Как сладкий запах их волнует грудь!
А будь её судьба счастливой песней,
Давно бы замуж взял её богач.
Как жаль, что красоте с талантом вместе
Сопутствует проклятье неудач!»
Тхук Шинь воскликнул без задержки, сразу:
«Как верно Вы сказали о судьбе!
Она даётся нам не по приказу,
Всей жизнью мы несем её в себе.
За сотни лет что в мире изменилось?
Не стал для женщин этот мир светлей.
Уж проявите к девушке терпимость,
Прошу, помягче обращайтесь с ней».
«Ну, судя по письму, она желает
В буддийский храм отдать свою судьбу.
А коли так, пусть башню охраняет,
Которая стоит у нас в саду.
Там и столетние живут деревья,
Буддийский лотос целый год цветёт.

Неторопливо там проходит время,
Пусть молится и праведно живёт».
Едва рассвет забрезжил над горами,
Сама хозяйка отвела её
В домашний храм с зелёными цветами,
Где всё благоухает и поёт.
Обряды нужные свершили сразу,
СВ монахини постригли в тот же день.
менили блузку синюю на рясу
И дали имя новое Туен.
С тех пор Киеу словно в чаще леса.
Она укрылась от мирских сует,
На прошлое набросила завесу,
И новых встреч уже навеки нет.
Все горести исчезли и печали,
Растаяли в молитвах и труде,
Лишь птенчики голодные кричали,
Мать ожидая в сотканном гнезде.
Как чудодейственны росинки сада!
Их Бодхисатва с неба уронил.
Он сердцу легкую послал прохладу,
Страстей тропинки мудро затемнил.
Уж много раз над храмом восходила
На звёздном небе полная луна.
Но всё ж Киеу плакала стыдливо,
Когда была совсем-совсем одна.

Забор высокий, плотные засовы –
Не выйти, не увидеть никого.
И стражник на людей глядит сурово,
Попробуй-ка разговори его.
И храм домашний, и сам дом Тхук Шиня,
Хоть были друг от друга в двух шагах,
Разделены, как море и пустыня,
И остается плакать лишь в стихах…
Но вот представился счастливый случай,
Жена уехала к себе домой
Родителей проведать. Словно тучи
Вдруг разошлись над храмовой стеной.
Тхук Шинь тотчас готов был, словно к бою –
Нашёл Киеу – правду ей сказать,
Но начал со слезами и мольбою
Ей горестную душу изливать:
«Прости меня, что не сдержал обета,
Прости за всё, что я не сохранил,
За то, что ты монахиней одета,
За то, что в трудностях я слабым был.
Жена умней меня, она смышлёней,
Я не могу с ней спорить прямиком.
Когда коснулась ты моих ладоней,
Я чашу чуть не уронил с вином.
Мне не страшны ни пропасти, ни дали,
Я всё отдал бы за твои глаза…

Но, видишь ли, наследника мы ждали,
Поэтому пришлось мне так сказать.
Будь у меня сто жизней, всё равно ведь
Не выкупить вину перед тобой.
Не знаю, что ещё нам жизнь готовит –
Но стыдно мне за тот поступок мой».
Киеу отвечала с сожаленьем:
«А я плыву, как маленький челнок:
То тонет, то несёт его теченьем,
То вынырнет – всему настанет срок.
Мне горестно, что мы сошлись с тобою,
Хоть ненадолго, ты меня прости,
Но если мы повязаны любовью,
Ей дня довольно, чтобы расцвести.
И я прошу тебя: найди мне способ
Бежать отсюда, вызволи меня,
И я не буду задавать вопросов,
А буду только благодарна я».
Тхук Шинь на это радостно ответил:
«Об этом думать приходилось мне,
Я даже лестницу уже приметил
И где её приставлю я к стене.
Киеу, ты должна бежать отсюда,
И с прошлым навсегда прервётся связь.
Уже заря из золотого блюда
Горячим соком в небе разлилась.

Пусть время крошит каменную плитку,
Пусть реки высыхают – не проплыть.
Как шелкопряд плетёт до смерти нитку,
Так мне любовь мою не позабыть».
Друг другу долго изливали души,
Не разнимая рук, и пел весь двор.
Казалось, что никто уж не нарушит
Их ласковый и нежный разговор.
Но слышатся шаги, шумок ворчливый,
И счастье вновь покинуло двоих.
И Хоан Тхы, раздвинув ветки сливы,
Вошла во двор и оглядела их.
«Вы вместе, но ведь вместе быть не вправе,
Придётся эту встречу объяснить», –
Слащаво улыбаясь и лукавя,
Она Тхук Шиню стала говорить.
Тхук Шинь, косясь, уклончиво ответил:
«Я собирал цветы, да вот зашёл
Увидеть, как переписала в цвете
Служанка нашу рукопись на шёлк».
Кивнула Хоан Тхы: «Изящный почерк,
Такой на древних карточках бывал,
Но заходить почаще, без отстрочек
К ней надо, чтобы голос не дрожал».
Сказала Хоан Тхы и продолжала:
«Такой талант не стоит упускать.

Порой за шёлк исписанный не жалко
И десять сотен золотых отдать».
Напившись чаю у деревьев сада
И ароматов надышавшись всласть,
Ушли супруги, как и прежде рядом,
Ведь сам Тхук Шинь признал былую власть.
Но старая служанка тут ходила,
Киеу донесла она о том,
Что госпожа давно за ней следила
И в должный миг стояла за кустом.
Она подслушала всю их беседу
Отчётливо, с начала до конца,
Как плакала Киеу, мол, уеду,
И как от слёз томились их сердца.
Дослушав то, что говорит служанка,
Киеу в ужас горестный пришла:
«О, Хоан Тхы большая интриганка,
Легко вершит и козни, и дела.
Тхук Шинь недаром у неё во власти,
Он чувствует её холодный ум.
Как можно обуздать такие страсти,
Как можно передумать столько дум!
Ведь, в сущности, поймала нас с поличным,
Другая бы набросилась давно,
А эта улыбнулась, как обычно,
Как будто так оно и быть должно.

Здесь оставаться – значит перед пастью
Тигрицы жить или большой змеи,
Ведь всё равно приносят лишь несчастье
Все дни мои и все труды мои.
Мне здесь не жить, мне б жить за облаками.
Мне б жить в воде, в земле, в дыму, в огне,
Но всё же страшно с голыми руками
Блуждать в чужой далёкой стороне».
Придумала Киеу, как ей денег
Для тайного побега раздобыть:
Поможет ей алтарь в опасном деле –
Он может золотом обогатить.
Добычу спрятав, зная делу цену,
Глубокой ночью, ровно в три часа,
Киеу перелезла через стену
И побрела, куда глядят глаза.

VI

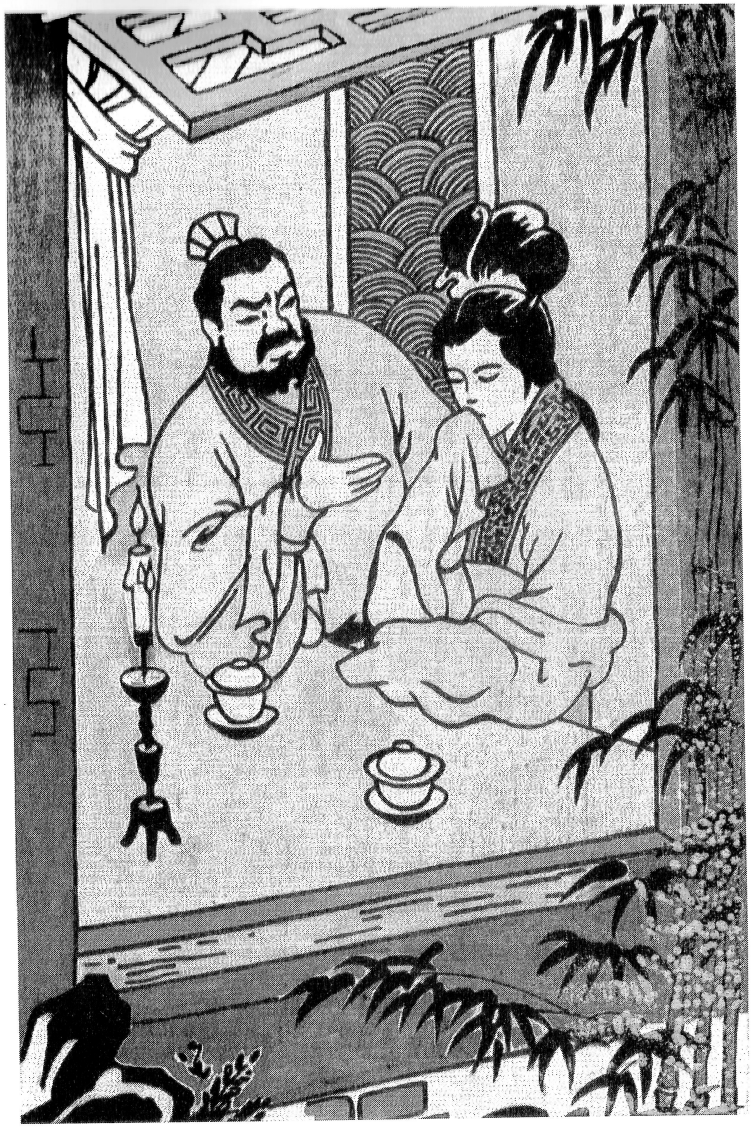
Сплошная тьма, не видно ни дороги,
Ни холмиков с деревьями вокруг.
Лишь ветка от взлетевшей птицы дрогнет,

И холодом в груди дохнёт испуг.
Так ночь прошла. Киеу всё блуждала,
Не зная, где ей голову склонить.
И вдруг она храм жёлтый увидала,
Пошла к нему, хоть что-нибудь спросить.
На стук открылись двери расписные,
Увидев то, что путница слаба,
В монашеской одежде, пригласили
В покоях тихих отдохнуть сперва.
Хранительница сразу после встречи
Прониклась к ней сочувствием своим:
«Пускай молитва наша Вас излечит,
Но всё ж, откуда Вы, мы знать хотим».
О горьких бедах людям незнакомым,
Киеу не решилась рассказать.
Теперь в её в душе свои законы,
Они другое будут диктовать:
«За мной наставница прибудет скоро,
Сама я из провинции Бакнинь.
Она Вам шлёт приветственное слово,
И вот подарок от родных картин».
Киеу развернула свёрток длинный.
Лежал в нём колокольчик золотой,
И гонг сверкнул, серебряный, старинный,
Всё, что Киеу унесла с собой.
Хранительница Жак Зуен сказала:

«Подарки Ваши совестно не взять»,
И на покои в доме указала,
Где путница могла бы отдыхать.
Так удалось Киеу в храме скрыться.
Вокруг была святая простота.
Как хорошо, что наизусть молиться
Она уже умела без листа.
Её лампада утром зажигалась.
В тумане звуки колотушки шли,
Когда она блаженно обреталась
В духовных смыслах Матери-земли.
Уже никто не думал об обмане,
Гуляли с Жак Зуен они вдвоём.
И положение Киеу в храме
Прочнее становилось с каждым днём…

Летело время, и весна настала.
Оделись храм и двор в узор теней,
И вот однажды в храме гостевала
Паломница с прислужницей своей.
Увидев подношения Киеу,
Хвалила их, слова текли рекой:
«Красивые реликвии, не смею
Их даже тронуть грешною рукой».
Потом подумала и продолжала:

«Но видела в недавние лета,
Что в доме Хоан Тхы в углу стояла
На алтаре такая красота».
Услышав это, испугавшись даже,
К Киеу ночью Жак Зуен пришла,
Её спросила, не было ли кражи:
Где эти ценности она взяла.
Киеу поняла, что не удастся
Ей дальше правду горькую скрывать.
Что поздно ей своей судьбы бояться,
И всё она решилась рассказать.
Но Жак Зуен всё, слушая Киеу,
Не огорчалась, лишь теснила страх.
Она подругу всей душой жалела,
И слёзы выступали на глазах.
Однако прошептала ей на ухо:
«Бывает, что расходятся пути,
Мы породнились с Вами общим духом,
Но Вам придётся, видимо, уйти…
Я помню… как же… Вашею рукою
О храме нашем был написан стих.
У нас живёт семья тут за рекою,
Вы поживите временно у них».
Обрадовалась этой новой вести
Киеу и вздохнула глубоко,
Не зная, что найдёт людей без чести



«…Так подойди поближе, погляди.
Быть может, на лице моём увидишь
Ответ на всё, что у тебя в груди».
Художник неизвестен.

И ей опять придётся нелегко.
Жила в том доме хитрая и злая,
Пронырливая всюду баба Бак.
И вроде ничего вокруг не зная,
Всё знала – почему, да что, да как.
Как только обе повстречались в доме,
Обрадовалась втайне баба Бак,
Сказала ей: «Никто тебя не тронет,
Но знай, что в жизни всё не просто так».
Запугивать бедняжку стала сразу
Рассказами о случаях плохих.
Хрустальную разбить нетрудно вазу,
Нетрудно разобрать на фразы стих.
А всё к чему она вела угрозы
И трепетала, как осенний лист,
Чтоб помогли ей девушкины слёзы
Исполнить давнишний её каприз.
К замужеству пришелицу склоняла
И говорила разные слова:
«Ты молода и многого не знала,
Того, что ты теперь понять должна.
Ты далеко от дома, одинока,
Лежит пятно на имени твоём.
Вину ты скроешь, может быть, до срока,
Но мы тебя без свадьбы не спасём.
Живёт племянник мой тут на востоке,

Имеет лавку с шёлком и вином,
Но он, как ты, такой же одинокий
И хочет привести жену в свой дом.
Где он живёт, там осень золотая,
Твоих следов погоня не найдёт.
Но если заупрямишься, родная,
Дождь разных бед на голову прольёт».
И снова опечалилась Киеу,
Ей эта речь, как плетью по спине.
Ещё не зная, что случится с нею,
Она покаялась в своей вине.
«Я – ласточка, отставшая от стаи.
Судьба меня несёт, как лёгкий прах.
Мой первый муж, как сон во тьме, растаял,
А от второго только звон в ушах.
Боюсь любой, как лук, согнутой ветви,
Была подстрелена уже не раз.
Теперь мой дом – холодный пыльный ветер,
Моя семья – печальный мой рассказ.
И если я ещё раз выйду замуж,
То за того, кто будет дорог мне,
И я любимого лицо должна уж
Увидеть прежде, чем луну в окне».
И вот, поговорив про всё на свете,
Явилась баба Бак в семью Бак Хань,
Чтоб передать все требованья эти

И чтоб жених готовил к свадьбе дань.
И так весь дом был убран, разукрашен,
Пустых похвал летала шелуха.
И наконец из верхних окон башен
Увидели повозку жениха.
И вот Бак Хань вошёл – и на колени
Упал и клялся в верности своей.
Он говорил: как при деревьях тени,
Так неразлучно будет он при ней.
Они друг другу душу изливали,
Обрядам отдали большую дань.
Зашли на лодку, паруса подняли,
И вот жену увёз в свой дом Бак Хань.
Как только к берегу пристала лодка,
Бак Хань один сошёл на берег свой.
Уверенная, строгая походка
Твердила, что доволен он собой.
Как оказалось, он туда собрался,
Где женщина красивая – товар.
Хвалил Киеу, спорил, надрывался
И, кончив сделку, получил навар.
Наняв людей, он повелел доставить
Киеу в дом, а сам исчез, как ночь.
Далёкий свет звезды нельзя направить,
Чужой судьбе ничем нельзя помочь.
Всё осознав, Киеу разрыдалась.

Опять она попала в дом любви.
Что в этой жизни ей теперь осталось?
Её душа и так была в крови.
Как жаль, что муть в воде едва осела
И снова поднялась всё та же муть.
Она вздохнуть ведь даже не успела,
Как снова встать пришлось на тот же путь.
За что же ты, Творец, так больно режешь?
Ведь это плоть её, душа, любовь.
Как горестно, что плод на ветке свежий
Готов в мешок сорвать себе любой.
Киеу в чёрную печаль одета,
В глазах уныние и пустота.
И кажется: всё кончено и спето,
Прощайте, молодость и красота.

Летели листья, осень наступала,
И вот однажды с дальней стороны
Явился гость. Доспехи из металла,
В груди не сердце – камень от луны.
Широкоплеч, с усами, как у тигра,
Как шелкопряды, брови на лице.
Ему нет равных ни в военных играх,
Ни там, где бьют из лука точно в цель.
Жил своевольно, много где поездил,

Богатырём был знатным и бойцом.
Всё в этой жизни испытал и взвесил,
Слыл настоящим в жизни мудрецом.
О госте говорила вся округа,
Он властно отвергает пустяки.
Ему лишь сабля – верная подруга,
Да лютня утешает в дни тоски.
И вот Ты Хай, так звали чужестранца,
Прислал визитку с надписью о том,
Что надоела эта жизнь скитальца
И что пора бы выстроить свой дом.
На встрече, лишь едва переглянувшись,
Они понравились друг другу, и
Ты Хай сказал: «Мы родственные души,
Прошу тебя, всю правду мне скажи.
Судьбу твою предначертали боги,
И много бед испытано уже.
Не обращала ли ты взор свой строгий
На одного из праведных мужей?
Не так уж часто славные герои
Встречаются с багряной краской лиц,
Зачем же подчинять свои устои
Полёту и тревогам мелких птиц?»
Киеу отвечала: «Я не смею
Сейчас хоть кем-нибудь пренебрегать.
Смирилась я со злой судьбой своею

И о супруге лишь могу мечтать.
Ведь здесь гостей встречаю я в передней,
А вывожу из заднего двора.
Я словно лист на дереве последний,
Мне ветер – брат, луна в окне – сестра».
Ты Хай ответил: «Глубоко ты мыслишь,
Так подойди поближе, погляди.
Быть может, на лице моём увидишь
Ответ на всё, что у тебя в груди».
Почтительно Киеу отвечала:
«А я и так почувствовать смогла
Могучий дух высокого начала
И скрытый жар сердечного тепла.
Я знаю, что Вас ждёт большая слава
Того, кто царство сможет основать.
Тогда я скромное присвою право
Хоть каплю милосердия снискать».
Ты Хай кивнул: «Хвалю тебя, не скрою,
За мудрый ум и зоркие глаза,
Которые увидели героя
Среди обычного, могу сказать.
Друзей отважных, преданных, надёжных,
Поверь, не много в жизни я встречал.
Так будем вместе в сумерках тревожных,
Я слишком долго без жены скучал».
И вот их души и умы едины,

И настает счастливый день и час.
Дороги жизни все преодолимы,
Порой лишь шаг разъединяет нас.
Ты Хай Киеу выкупил из дома,
Привёл к себе, и мёдом пролились
Дни нового большого перелома,
В котором судьбы их переплелись.
Прошли, как миг, замужние полгода.
И вот герой о вольности своей
Так заскучал, что стало неохота
Ни жить, ни думать, ни встречать гостей.
Схватил он саблю со стены стальную.
Вскочил верхом на доброго коня.
И было уж отправился вслепую,
Да вслед Киеу крикнула: «А я?
Мы, женщины, должны жить нашим мужем,
Везде и всюду следовать за ним.
Ты мне, как воздух, в этой жизни нужен,
Прошу, Ты Хай, не уезжай один».
«Когда добьюсь я славы и почёта,
Тебя торжественно я привезу
В наш общий дом, и будет нам забота
Вдвоём лелеять детскую слезу.
Пока же нет ни дома, ни приюта,
Как мне с тобою ездить по горам?
Жди нашей встречи так, как солнце утро,

Клянусь, я брошу мир к твоим ногам».
Закончив речь, у плачущей супруги
Он вырвал полу длинного плаща.
Копыт удары были так упруги,
Что в них как будто слышалось: «Прощай!»
С тех пор опять Киеу у окошка
Сидит, как ива на пруду, одна.
Сухой листвой усыпана дорожка,
Но нет на ней ни одного следа.
И вновь воспоминанья выплывают,
Как облака на небе вдалеке,
И, став дождём, всю землю заливают,
Лишь оставляя кляксы на песке.
Прошло уж десять долгих лет скитаний.
Как там её родители живут?
Каких ещё несчастий и страданий
Ей красота с талантом принесут?
Хоть разрубить ей узел чувств досталось,
В разлуке быть с возлюбленным своим,
Но нитка памяти ещё осталась,
И иногда во снах являлся Ким.
«Надеюсь, Ван теперь его целует,
Пускай Творец дарует им детей.
А мне судьба пусть дальше дорисует
Мою картину из одних теней», –
Уже не плакала Киеу в доме,

Глаза устали видеть пустоту.
Мужчина, видно, как орёл, устроен,
Он видит зорко только на лету.
Прошёл ещё один холодный месяц,
Война уже к их дому подошла.
Кругом бойцы в доспехах куролесят,
Повсюду запах крови, гарь и мгла.
Знакомые соседи и прислуга
Советовали спрятаться, уйти.
Но молвила Киеу: «Мы с супругом
Договорились счастье здесь найти.
Мы вместе посадили эти груши,
И вместе поклялись на белый свет.
И потому не смею я нарушить
Ни при какой угрозе мой обет».
Пока Киеу отвечала скромно,
Нагрянули отряды на конях.
Гремят доспехи, плавают знамёна,
Не раз бывали воины в боях.
В глазах огонь, как будто в небе соткан
Закат в крови, как рана от ножа.
И сразу громко закричали в окна:
«Которая из вас тут госпожа?!»
И только голос подала Киеу,
Как разом хлынул в дом людской поток…
И все военачальники пред нею

Сложили сабли острые у ног.
И главный среди них сказал: «Нам ныне
(Качая до прибытия в конец)
Вас в свадебном богатом паланкине
Приказано доставить во дворец.
Наш предводитель повелел нам это,
Нам даже не придётся отдохнуть,
Прошу надеть наряд благой и светлый,
И мы отправимся в далёкий путь».
Играли флейты, в барабаны били,
Над конным строем стяги поднялись.
Вот двинулись, и трубы затрубили,
Служанки со слезами обнялись…
Дорога дальняя промчалась быстро.
И завиднелись стены крепостей.
Вперёд помчались воины со свистом
Для оглашенья радостных вестей.
И вот уже ликующее эхо
Заполнило собой просторный край.
И сам навстречу шествию поехал
Его превосходительство Ты Хай.
Над башней вьётся именное знамя,
И пушки в честь приехавших гремят.
Всё предвещает нежное свиданье,
Всё говорит, что кто-то встрече рад.
Киеу обвела Ты Хая взглядом

Несмелым, недоверчивым, косым…
Остались только брови-шелкопряды
Да длинные тигровые усы.
Ты Хай захохотал: «Что, не узнала?!
А помнишь, это было год назад,
Мы были вместе, ты тогда сказала,
Что не забыть тебе мои глаза».
«Я думала, судьба опять обманет,
И не увижу я глаза твои,
Но, к счастью, мне досталось, как лиане,
Обвить собою дерево любви».
Супруги друг на друга посмотрели
И, взявшись за руки, пошли домой.
А в крепости всю ночь играли, пели,
И в каждом уголке был пир горой.

Однажды как-то в лагере Ты Хая
Киеу всё поведала ему:
И как она жила изнемогая,
И как ждала вот эту с ним весну.
Едва услышав эти откровенья,
Ты Хай, как гром на небе, заревел.
Собрал своих бойцов в одно мгновенье
И всем в поход собраться повелел.
Начальники отрядов получили

Флажки с приказами, куда идти.
Одни к границе Вотик поспешили,
Другие направлялись в Ламчуи.
Приказано: предателей доставить
И всем дознание произвести.
Приказано: семью Тхук Шиня славить
И охранять от праздной суеты.
И предводитель воинам поведал
О странствиях Киеу в мире бед,
Мучителей проклятию он предал,
И воины их прокляли в ответ.
Как месть страшна и как мгновенна кара!
Виновные доставлены во двор,
Мечи уже готовы для удара,
Виновных ждёт суровый приговор.
Средь копий, что как молнии блистали,
Виднелся предводительский шатёр –
И в нём Ты Хай с супругой восседали –
А суд всё разгорался, как костёр.
Бой барабанов сообщил округе,
Что правый суд последует сполна.
И предводитель объявил супруге,
Что будет всем командовать она.
Киеу отвечала: «Я желаю
Сначала благодарность принести,
А там уже, зайдя с другого краю,

И счёты за страдания свести».
Ты Хай сказал: «Всё это в Вашей воле».
И ей кивнул, как щедрый властелин.
И первым приведен был под конвоем
Дрожащий и потерянный Тхук Шинь.
И вот Киеу с ним заговорила:
«Супружеский мой долг Вам – как гора.
Нас с Вами разлучила злая сила,
Ушла навек желанная пора.
За прежние заботы Вам сегодня
Позвольте хоть немного отплатить.
Мои дары – парчи рулонов сотню
И серебра полтонны – Вам вручить.
Теперь в Ваш дом внесла свои замашки
Коварная и хитрая жена,
С букашкой, что ползёт по краю чашки,
Меня любила сравнивать она».
И следом Жак Зуен ввели в ограду,
И ей Киеу воздала почёт,
Сказала, что за помощь и отраду
Полтонны золота ей отдаёт.
Напомнила, что так когда-то прачку
Хан Тин[1], великий воин, наградил

[1] Имеется в виду китайский полководец Хан Тин (русская транскрипция Хань Синь, 韩信, 229 – 196 до н.э.), который помог Лю Бану (劉邦), будущему императору и основателю династии Хань,

За то, что в молодости он подачку
От женщины от этой получил.
Он умирал от голода когда-то,
И прачка это сразу поняла,
И хоть жила на свете небогато,
Но чашкой риса бедняка спасла.
Тут привели всех пленных, сколько было,
И Хоан Тхы, как главного врага.
Её Киеу ласково спросила:
«И Вам лачуга наша дорога?
Таких, как Вы, мегер на свете мало,
Но много зла они везде творят.
Чем больше дерзостей от них бывало,
Тем тяжелей расплата, говорят».
В ответ Хоан Тхы сжалась, как от боли,
И на коленях стала умолять:
«Я женщина с обычной женской долей,
А ведь у жён привычка ревновать.

Я помогала Вам, судите сами,
И не отправила погоню вслед,
Но мужа я не поделила с Вами

победить всех противников. По преданию, в молодые годы бедствующий безвестный юноша Хань Синь получил от простой старухи прачки чашу риса. Став знатным сановником при дворе правящего императора, он пригласил прачку к себе во дворец и наградил её тысячей золотых монет.

И причинила Вам немало бед».
Киеу отвечала: «Так и было.
Таких правдивых я везде ищу.
Вы кастесь, и в этом Ваша сила,
И я Вас на свободу отпущу».
Хоан Тхы распростёрлась перед нею,
А пленных вереницею вели.
Бак Хань и беспощадные злодеи
С Шо Ханем вместе на расправу шли.
Кровь хлынула потоком и смешалась
С кусками мяса расчленённых тел.
И охватил бы страх и вместе жалость
Всех, кто бы на расправу посмотрел.
Дела людские осеняет Небо,
А пленники умели лишь наглеть.
Им свойственна зловредная потреба,
И потому их нечего жалеть.
Киеу мирно с Жак Зуен прощалась
И вдруг сказала: «Труден путь земной.
Исполнится ли то, что обещалось?
Как знать, где аист странствует степной?»
И Жак Зуен ответила: «Я знала.
Там Хоп умела мудро прорицать
И новую нам встречу предсказала.
Мы встретиться должны лет через пять».
Киеу – ей: «Там Хоп я доверяю,

И если встретитесь с ней, как друзья,
Я Вам вопрос задать ей поручаю,
Чем кончится земная жизнь моя».
С глубоким чувством и большой надеждой
Киеу к мужу обратила речь:
«Могла ли нищая поверить прежде,
Что справедливость можно уберечь?
Вы совершили грозную расплату,
С души свалилось бремя прошлых бед.
И Вашу помощь я запомню свято,
Я Вам готова жизнь отдать в ответ».
Ты Хай ответил: «С древности поныне
Герой живёт с неправдой во вражде.
Не надо слов, ведь мы теперь едины
И крепко дружим в счастье и в беде.
Напомню об ёще одной заботе:
С родителями Вы разлучены,
За много тысяч ли[1] от них живёте.
Я соберу вас с двух концов страны».
Окончен суд, и предводитель властный
Устроил пир для воинов своих.
Дурманом смыли произвол злосчастный
Десятки тысяч воинов хмельных.
И вновь пошли на битвы грозным строем,

[1] Ли – традиционная мера длины в ряде стран Дальнего Востока, равна 500 м.

Врагов раскалывая, как бамбук.
Ты Хай стал королем и власть утроил,
Двор учредил с большим отрядом слуг.
Военные он основал владенья,
Но и гражданских не забыл властей.

К врагам своим не знал он снисхожденья,
Сравнял с землёй пять мощных крепостей.
Герой и в годы смуты меч отточит,
Он совершит великий подвиг свой,
И с ним не сможет сладить, как не хочет,
Бездарный императорский конвой.
Ты Хай в сражениях был несгибаем,
И знамя было символом побед,
И над обширным и богатым краем
Он властелином был пять полных лет.

В то время жил талантливый сановник,
Командовал он войском при дворе.
Хитросплетённых происков виновник,
Знал толк он в политической игре.
Хо Тон Хиен оберегал границу
И многие победы одержал.
Толкнул сам император колесницу,
Когда в поход героя провожал.

Конечно, знал он недруга победы
И что жена – участница игры.
Он для Киеу слал, смягчая беды,
То золото, то редкие дары.
Ты Хай растерян был, не знал покоя,
А поступать пришлось бы наугад.
«Я создал царство собственной рукою
И властвую, не ведая преград.
Но если к императорскому трону
Просителем приду на пышный пир,
То, как мятежник, сдамся я закону,
Хоть и роскошный выдадут мундир.
Придётся кланяться тому, другому,
В низкопоклонство незаметно впасть.
Так не вернуться ли к родному дому,
Не возвратить ли брошенную власть?»
Зато Киеу увлеклась дарами.
Теперь уже не нужно ждать беды.
Ведь столько лет она жила, как в яме,
Как ряска на поверхности воды.
Теперь к высоким сферам путь ведётся,
Она его узнает до конца
И в край родной когда-нибудь вернётся
Супругой важной первого лица.
«Родителей порадую я взлётом,
Вложу усердный труд в свою страну.

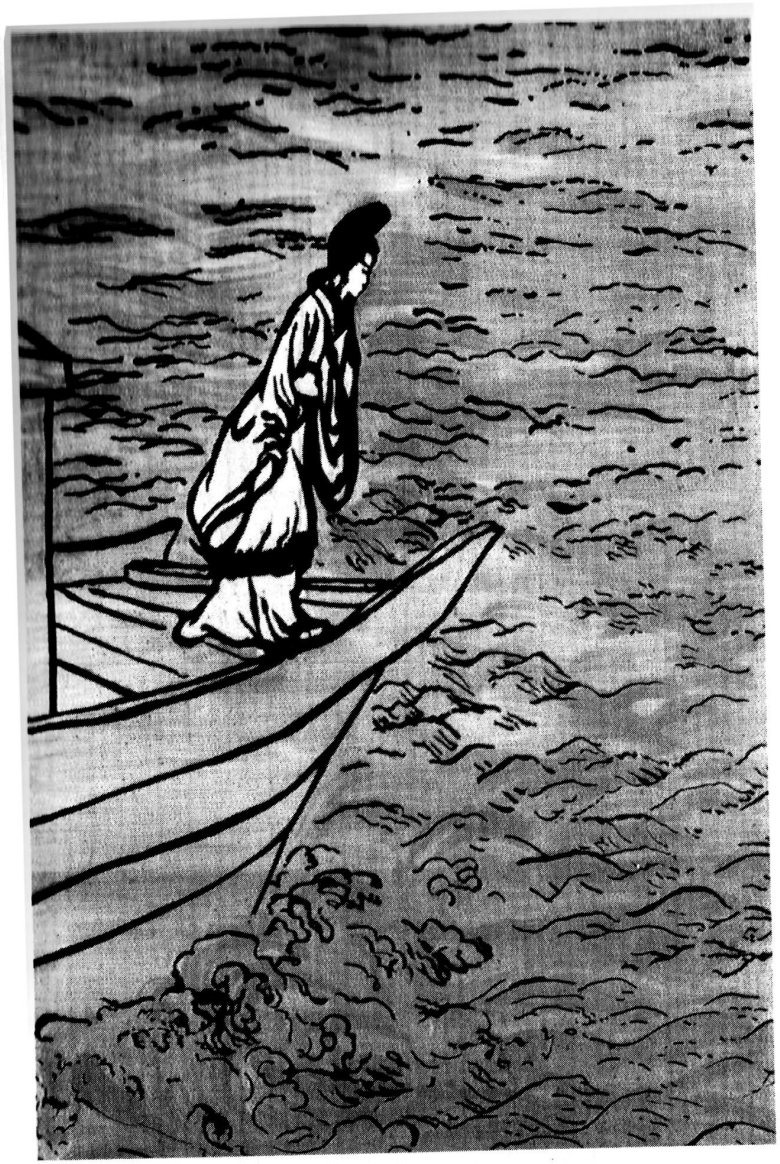
Не лучше ли отдать себя заботам,
Чем быть челном у бурных вод в плену?»
Киеу дождалась беседы с мужем
И начала: «Я думаю о том,
Что мы ведём войну, мы распрям служим,
А император мудростью ведом.
Он мир несёт и городам, и странам,
А мы устали погребать мужчин.
Зачем бунтовщиком быть окаянным?
Не лучше ли принять высокий чин?»
Послушав эти искренние речи,
Ты Хай решил сыграть наверняка.
Регалии надел для важной встречи
И был готов разоружить войска.
Хо Тон Хиен смекнул: врага заманит,
Заранее лазутчиков пошлёт,
Богатыми дарами одурманит
И начисто внезапно разобьёт.
Над войском императора летели
Знамёна с иероглифами «Мир».
Ты Хай предстал из грозной цитадели,
Надев парадный щегольской мундир.
Хо Тон Хиен увидел побрякушки
И поспешил подать условный знак.
Со всех сторон заговорили пушки,
Сигналами отчаянных атак.

Ты Хай не сразу понял, что случилось.
Он был подобен тигру в западне.
Но бился он на смерть, а не на милость,
Как будто был на бронзовом коне.
Уже душа героя отлетела,
А он стоял, как прежде, на ногах.
И над землёю возвышалось тело
И ужас поселяло во врагах.
Два храбрых войска дали волю гневу,
О щит тупилось острое копьё.
И тут солдаты привели Киеу
И пред Ты Хаем бросили её.
Она заплакала: «Вы были в силе,
Умны, храбры, – но Вы теперь мертвец.
Вот что мои советы натворили,
Теперь конец всему и мне конец!»
Она умолкла и без чувств упала,
Ударилась о камень головой.
Ты Хая грудь вся кровью полыхала,
Но вдруг он вздрогнул, словно был живой…
И покачнулся, и упал с ней рядом,
Обняв Киеу мёртвою рукой.
И копий воинов вокруг ограда
Была им, как венок над головой.
Но вдруг солдаты под руки подняли
Киеу – тут же в чувства привели

И с тайным всплеском на душе печали
К Хо Тон Хиену в ставку принесли.
Он ей сказал: «Беда прошла над Вами,
Но Вашу помощь в мыслях я держу:
Вы щедро помогали нам словами,
Любой наградой я Вас награжу».
Сквозь слёзы, вперемешку, как придётся,
Киеу в горе душу отвела:
«Ты Хай был даровитым полководцем
И как хозяин вёл свои дела.
Но с толку сбила я его советом,
Он от меня погиб, не от стрелы.
Чем больше размышляю я об этом,
Тем мне больней от Вашей похвалы.
Я умереть хочу, мне жизнь постыла.
Прошу теперь у Вас клочок земли –
Похоронить того, кого любила,
С кем поклялись и с кем по жизни шли».
Хо Тон Хиен устроил угощенье.
Чуть начались веселье и пальба,
Велел Киеу бросить сожаленье,
Петь на пиру под инструмент тиба[1].
Всё было в струнах: капли чьей-то крови,
Вой обезьян и дальняя гроза…

[1] Тиба (*кит.* пипа) – древний традиционный музыкальный 4-струнный щипковый инструмент типа лютни в странах Дальнего Востока.

Хо Тон Хиен печально хмурил брови,
И пролилась нежданная слеза.
Спросил он: «Что за музыка такая?
Так много горя и душевных мук».
Киеу отвечала, не скрывая:
«В ней женская судьба, ужасный круг».
Хо Тон Хиен как будто был на небе,
Любовь он знал, хоть с виду был суров,
И так сказал: «Да, прав небесный жребий,
Я с Вами жизнь мою связать готов».
Но был ответ: «В моей душе пропащей
Нет ничего, я это сознаю.
Есть только тень одной мечты дразнящей:
Я побывать хочу в родном краю».
Хо Тон Хиен чуть перебрал на пире,
Но утром вспомнил, что начальник он,
Что он теперь живёт в особом мире
И что за ним следят со всех сторон.
Приехав в ставку, принял он решенье:
Киеу ради службы не щадя,
Не спросит у неё он разрешенья,
Отдаст её за местного вождя.
И день спустя от берегов невзрачных
Украшенная лодка отплыла,
И вот уже в каюте новобрачных
Огонь зажёгся, расступилась мгла.



И, поглядев на плещущие волны,
Киеу бросилась в пучину вод.
Художник Нгуен Куок.

Киеу стала ив сухих мрачнее,
Цвет розовый совсем ушёл со щёк.
Прообраз смерти нависал над нею,
Её манили волны и песок.
Зачем её родили и вскормили?
Но, ряской колыхаясь на волне,
Она не знала, спать ли ей в могиле,
Иль, может быть, покоиться на дне.
В судьбу разлук вплела живые нити,
Но вновь служанкой стала, не женой.
И если смерти Вы её хотите,
Не жаль ей этой жизни площадной.
Свет месяца лежал по всей округе,
И рокотал прибой, как древний гонг.
И вот Киеу объяснили слуги,
Что впереди река Тиендыонг.
И вспомнила она певицы слово,
Что в этих водах смерть им суждена.
«Я здесь, о незнакомка, я готова.
С тобой, рука в руке, коснуться дна».
И у лампады на бумаге чистой
Возникли вдруг предсмертные стихи.
Она смотрела на пейзаж гористый
И вспоминала прежние грехи.
«Так пусть теперь за всё, в чём я виновна,
Глубокая река меня возьмёт».

И, поглядев на плещущие волны,
Киеу бросилась в пучину вод.
Как жаль ещё одной минувшей жизни!
Навек ушли талант и красота.
На этой никому не видной тризне
Окончилась печальная тщета.
И только для девиц розовощёких
Пример остался, слово мудреца:
Беда и горе в сумерках глубоких
Должны созреть до самого конца.
Дочернего почтительного долга
Не много мы примеров наберём.
Зачем же Небо мучило так долго
Киеу, возлюбившую свой дом?

VII

Когда с Киеу Жак Зуен прощалась,
Пошла она с кувшином за спиной
К реке, как вдруг Там Хоп ей повстречалась –
Провидица любой судьбы земной.
И о Киеу с ней заговорила:

«Киеу добродетельна, скромна,
Но не даёт покоя злая сила.
За что же пострадала так она?»
Там Хоп ответила: «Всем Небо правит,
Но многое от нас самих идёт.
И кто на путь добра себя наставит,
Бывает счастлив, но любовь не ждёт.
Киеу так умна и так красива,
Не предавалась чувственным страстям.
Она могла бы быть вполне счастливой,
Но жизнь её разбили по частям.
Как будто ведьмы путь ей указали,
Как будто черти за руки вели,
Её несчастья новые терзали,
И беды ей навстречу сами шли.
В дома разврата дважды угодила,
Служанкой быть однажды довелось,
Потом меж копий и мечей бродила,
И даже варварам служить пришлось.
Грозили ей драконовые рыбы,
Она скрывала бедствие своё,
И рассказать о муках не могли бы
Безмолвные страдания её».
Тут Жак Зуен сказала с тяжким вздохом:
«Как жизнь Киеу всё-таки грешна».
Там Хоп ответила: «Не так всё плохо,

Заслуги есть, хоть велика вина.
Была наивность, были увлеченья,
Но не было развратного конца,
А было о любимом попеченье
И рабство для спасения отца.
Киеу человека погубила,
Но этим тысячи людей спасла
И бранью никого не оскорбила,
Заступницей достойному была.
И если помнит дружбу Ваша милость,
Тогда спустите тростниковый плот.
С Киеу Вы когда-то сговорились,
Что встретитесь, когда пять лет пройдёт».
И Жак Зуен была сердечно рада.
Велела плот связать из тростника,
На нём шалаш поставить для догляду,
Чтоб видеть волны, в небе облака.
Двух рыбаков нанять решила на год.
Они за лодкой опустили сеть.
И Жак Зуен, избавившись от тягот,
Смогла на мир спокойно посмотреть.
Киеу к шалашу прибили волны,
А там улова ждали от реки,
Но оказалась сеть не рыбы полной,
А тело выловили рыбаки.
В промокшем платье женщина лежала.

Лицо ещё не потеряло цвет.
В утопленнице Жак Зуен признала
Ушедшую во цвете юных лет.
Но дух Киеу в полусне маячил
И понемногу делался ясней.
Как вдруг помимо тех, кто здесь рыбачил,
Явилась Дам Тиен из прошлых дней.
Она сказала: «Я ждала Вас долго,
Я десять лет томилась здесь в тиши.
И Вашу правду, Ваше чувство долга
Я оценила глубиной души.
Как необъятна Ваша добродетель
И как ужасен лютой злобы пир.
Страдали Вы, но Небо нам свидетель –
Такой души не ведал этот мир.
Вы всей душой, простой и непритворной,
Стояли за страну и за народ.
И в Книгу женских бедствий, в список чёрный,
Пусть Ваше имя больше не войдёт.
Стихи о муках женщин к Вам вернутся,
Вы создали их верно, без прикрас.
И блага многие Вам воздадутся,
И поздняя любовь согреет Вас».
Киеу вздрогнула и вдруг очнулась,
Рукой коснулась скорбного лица…
Теперь к Киеу Жак Зуен вернулась,

И радости их не было конца.
Они нашли друг друга в том же круге,
И Жак Зуен Киеу увела,
И стали жить они, как две подруги,
И пища скромная у них была.
Их озаряло зарево заката,
Шумел прибой по водному пути.
Забылись беды, грозные когда-то,
Но где ей наречённого найти?

VIII

Киеу путь бедою обернулся.
Да и Ким Чонг узнал не меньше зол.
Из дальних странствий он домой вернулся
И в старый сад их ласковый пришёл.
Сад тростником зарос, сухим от века,
Пустынны окна, мрачен ветхий кров.
Нигде не видно тени человека,
Ни голосов не слышно, ни шагов.
Зашёл сосед и новости поведал:
Отец Выонгов отдан был под суд.

Киеу, старшую, любовник предал,
А младшие своим трудом живут.
Как будто гром с небес ударил Кима,
Не сразу волю он собрал свою.
Но, всё ж поняв, что всё преодолимо,
Изведав путь, нашёл её семью.
Родители страдали в ветхом доме,
Не берегли запущенный свой дом,
Несытно ели, спали на соломе,
А грязный дворик был размыт дождём.
Ким подал голос и ещё добавил.
К нему из дома выбежал юнец,
Взял за руку и к старикам доставил.
Так странствию его пришёл конец.
И с плачем старики встречали Кима:
«Увы! Киеу мука суждена.
Все беды на неё, а счастье – мимо.
Продать себя она принуждена.
Она сестре наказ свой повторяла:
Обещан Киму долгожданный брак,
Но раз Киеу слово не сдержала,
Пусть за неё сестра поступит так».
Ким слушал, подавляя боль и жалость.
Чем дальше говорили старики,
Тем горестней душа его терзалась,
И сердце разрывалось от тоски.

Старик Вьонг поднялся, молвил кротко:
«Так сильно горевать – напрасный труд.
Доска вколочена в чужую лодку,
Тебе её назад не отдадут».
Тут Ким увидел и браслет заветный,
И музыкальный инструмент тиба.
Он застонал: «О этот груз обетный!
Для вечной муки нас свела судьба!
Всё потому, что я так долго не был
С моим цветком – и ряскою он стал.
Ведь мы в любви клялись под этим небом,
И клятвы были прочны, как металл.
Хотя ещё мы не делили ложе,
Супружеская пара родилась,
И я найду то, что всего дороже,
Чья надо мной так всемогуща власть».
И Ким воспрял, и поспешил проститься.
В своей усадьбе домик починил.
И стариков просил переселиться,
Как сын и как слуга усердный был.
И письма он писал по белу свету
Печальной смесью из чернил и слёз.
И разослал людей искать Киеу,
Но ни один известий не привёз.
А страсть его сильнее разгоралась,
Испепеляла прямо на ходу.

С костями кожа от него осталась,
И он бродил, как человек в бреду.
И это горе было нестерпимо
Для стариков. И зародился план:
Они немедля выдали за Кима
Дочь младшую, прекраснейшую Ван.
Но свадьба с подгулявшими гостями
Не заглушила боль в его крови.
И часто обливался он слезами
По прежней и единственной любви.
В своей пустой читальне взял он в руки
Все тот же достопамятный тиба,
И струн шелковых ласковые звуки
Звучали, как напрасная мольба.
Но вот Киеу голос вдохновенный
Послышался и Киму в лад запел,
Всё потому, что образ несравненный
Ким в сердце навсегда запечатлел.

Однажды император высшей властью
Устроить состязание велел,
Друзьям обоим по большому счастью
Достался победителей удел.
Они снискали право знатью зваться,
Больших чинов и почестей чреду,

И обладали правом любоваться
Природой в императорском саду.
Но Ким всё больше грусти предавался,
Всё тяжелей разлука двух сердец.
Где та, которой он в любви поклялся,
И с кем делить награды и дворец?
И скоро он в отъезд заторопился:
Назначен дальний был ему уезд.
Там во дворце он с аистом возился
И грустно пел, пока не надоест.
И как-то в поздний час, под стать напеву,
Супруге Кима, Ван, путём ночным
Приснилась старшая сестра, Киеу,
И в этот сон почти поверил Ким.
Не в том уезде совершал он поиск,
Уезд Ламтхань там был – не Ламчуи.
Названий суть, в одном лишь слоге кроясь,
Для дела может подобрать ключи.
И подданных однажды принимая,
Расспрашивал их Ким и был упрям,
И старец До, тревогу понимая,
Поведал Киму то, что видел сам.
«Ту Ба в свой дом Киеу заманила:
Киеу так прекрасна и мила.
Её Ту Ба для тёмных дел купила,
С почётом из Пекина привезла.

Киеу славно на гиба играла
И сочиняла звучные стихи.
А честь свою надежно защищала
И отвергала сладкие грехи.
Но тут привыкла к бедам и невзгодам,
Обманута коварной бабой Бак.
Как ряска, плавала она по водам,
Пока не заключила новый брак.
Её нездешний человек приметил,
А он во многих битвах победил
И был умом силён, и ликом светел,
И десять тысяч воинов водил.
Киеу он велел держаться смело,
Воздать по справедливости врагам,
А слава воина уже гремела
По близким и далеким округам.
Но как зовут его, мне неизвестно,
Тхук Шинь, пожалуй, это может знать».
Тхук Шиню велено явиться честно
И всё, что знает, Киму рассказать.
Тхук Шинь сказал: «Не по своей я воле
В плен угодил, где горя через край.
Зато узнал я в этой мрачной доле,
Что имя князя грозного – Ты Хай.
В сражениях давал он волю гневу,
Не раз он пролил вражескую кровь.

В уезде Тхай он встретился с Киеу,
И между ними вспыхнула любовь.
И где Ты Хай ни вёл свой бой жестокий,
Была Киеу спутницей его,
А войско разместил он на востоке,
И больше я не знаю ничего».
От этого рассказа болью мучась,
Ким думал, что Киеу, как цветок,
Плыла в реке – о горестная участь!
Как властно уносил её поток!
И это он, Ким Чонг, её оставил.
Тиба расстроен, больше не звучит.
Тому, кто клятвой словно бы лукавил,
Почётом наслаждаться – просто стыд.
Ким об отставке помышлял упорно,
Найти следы Киеу он хотел,
Он не жалел о роскоши придворной
И не боялся ни мечей, ни стрел.
Приказано Выонг Куану с Кимом
Сменить уезды, собираться в путь.
И две семьи, со всем необходимым,
Не стали с отправлением тянуть.
Но вот пришли нерадостные вести:
Ты Хая войско потерпело крах.
И Ким решил с Выонг Куаном вместе
Найти Киеу и воспеть в стихах.

Они узнали: войско то сражалось,
Ты Хай погиб, хотя и был в чести.
Киеу же покорствовать осталось
И в жёны к предводителю пойти.
Но быть рабой Киеу не хотела
И не сдалась очередной беде,
И драгоценное, как жемчуг, тело
Без колебаний предала воде…
И по обычаю поры далёкой
Возник алтарь с табличкой именной:
На месте скорби, у реки глубокой,
Молитвы возглашать за упокой.
И клятвы, поцелуи и объятья
Ким вспоминал с восхода до темна.
Ему Киеу розовое платье
Напоминала светлая волна.
А может быть, и совершится чудо,
Безмерная любовь возьмёт своё.
Узнает Ким, куда идти отсюда
И где Киеу, как найти её?

И чудо в самом деле совершилось:
Монахиня возникла, Жак Зуен.
Взглянула на алтарь и удивилась:
«Алтарь Киеу? Встаньте же с колен».

Родня Киеу удивилась дружно:
«Что значат Ваши странные слова?
Как будто бы и алтаря не нужно?»
«Не нужно, ведь Киеу-то жива!
Я с нею связана законом кармы.
Мы из реки Киеу извлекли
И вместе приняли судьбы удар мы,
И в доме Будды мы приют нашли».
Родные радовались вместе с Кимом.
От дерева оторванный листок
Уплыл, но оказался невредимым.
Какое счастье после всех тревог!
За Жак Зуен, траву топча упрямо,
Все вместе шли счастливою толпой,
Пока на двор соломенного храма
Не вышли тростниковою тропой.
И вот в дверях Киеу показалась
И разом увидала всю семью.
Хоть старикам недолго жить осталось,
Они хранили выдержку свою.
Брат и сестра совсем другими стали,
А вот и Ким, избранник прошлых лет.
Киеу различить могла едва ли,
Что перед ней, тот или этот свет?
И вот она сбежала по ступеням.
На платье слёзы капали из глаз,

И к материнским бросившись коленям,
Она печальный повела рассказ.
«Пятнадцать лет, но как мгновенье ока
И радость промелькнула, и любовь,
И я, затоптанная в грязь жестоко,
Не думала, что встретимся мы вновь».
И вновь лицо слезами увлажнилось.
Отец и мать подняли дочь с колен.
Она на вид не слишком изменилась
С тех пор, как вышла из родимых стен.
Наперебой Киеу обнимали,
Она пришла в себя в кругу родных.
Родные тьму вопросов задавали,
А Ким молчал и лишь глядел на них.
Они у алтаря в словах единых
Молились Будде, покорясь судьбе.
Выонг Куан велел на паланкинах
Всю прежнюю семью нести к себе.
Но тут Киеу, отрешив невзгоды,
Сказала: «Легкой жизни не ищу.
Мечты сбылись, и остальные годы
Монашеству я мирно посвящу.
Уже пора с травой мне подружиться
И к овощам заквашенным прильнуть,
В одежде грубой допоздна трудиться.
А о любви я говорю: забудь.

Дела нельзя вершить наполовину.
Моя весна давно уже прошла,
Как Жак Зуен я милую покину,
Когда она мне жизнь мою спасла?»
Но тут отец сказал: «Обрядом чтимым
Себя ты хочешь Будде посвятить,
А кто же будет жить с твоим любимым
И по долгам родителей платить?
Мы с Жак Зуен судьбу её разделим
За то, что жизнь она спасла твою,
Воздвигнем храм, и в дом наш переселим,
И примем с общей радостью в семью».
Киеу старику не возразила.
Простились с Жак Зуен – и вместе в путь.
Ким всем родным напомнил всё, что было,
И задал пир, чтоб радость им вернуть.
И на пиру им Ван открыла душу:
«Все браки сотворяют Небеса.
Ким и Киеу клятву не нарушат,
Но грянула внезапная гроза.
А ведь с Киеу сёстры мы родные.
И я, и Ким – мы ждали одного:
Киеу обойдёт пути земные
И вновь увидит мужа своего.
Пятнадцать лет мы терпеливо ждали,
И зеркало разбитое срослось,

И Небеса нам встречу нагадали,
И вновь теперь мы вместе, а не врозь.
И Ким всё тот же, и любовь всё та же,
И тот же серебристый диск луны.
Луна стоит как будто бы на страже,
И прежним клятвам будем мы верны.
Пусть абрикос созреет и не в пору,
По-разному он может созревать,
И всё же места не дадим укору,
Ведь плод должны мы вовремя сорвать».
В ответ – Киеу: «Много мы страдали,
Упреки ты, сестра, останови.
Да, я и Ким святую клятву дали,
Мы поклялись в возвышенной любви.
Но столько горя в вихре промелькнувшем
И столько было молний и дождей,
Что стыдно вспоминать мне о минувшем.
Пусть волны смоют подлости людей».
Тут Ким сказал: «Мне слышать это странно.
Дороги наши вместе нас свели,
Мы не изменим клятве, нами данной
Перед лицом и Неба, и земли».
Ему – Киеу: «Женщины мечтают
О нежных ласках, сладостных, как лесть,
Но девственность свою оберегают.
Дороже золота девичья честь.

И как мне не краснеть перед любимым,
Когда я опозорена была
Насильником моим неумолимым
И чести девичьей не сберегла?
Вы любите меня, я это знаю,
Но с Вами новой близости стыжусь.
Отныне двери кельи закрываю,
Монашеских обычаев держусь.
Я Вас прошу, останемся друзьями
С игрою в го[1] и свитками стихов,
О браке же ни слова между нами,
Не разбудите боль моих грехов».
Ким отвечал: «Как Ваша речь резонна!
Но разные мотивы знает мир.
А жизнь разнообразна и бездонна –
И то казнит, то затевает пир.
Ведь Вы своих родителей спасали,
К Вам не пристанет никакая грязь.
И Небеса в награду нам послали
Земное счастье: жить соединясь.
Зацвёл прекраснее цветок увядший,
Туман рассеялся при свете дня,
Так в чём, скажите мне, сомненья Ваши,

[1] Го – игра двух партнёров линзообразными шашками на квадратной доске (гобан). Возникла в Древнем Китае около 4 тысяч лет назад.

Зачем Вы отвергаете меня?»
Родители согласны были с Кимом,
И над Киеу разошлась гроза.
Ей оставалось вновь сойтись с любимым,
С тяжёлым вздохом опустив глаза.
Цветы заполонили всю округу,
И, как велят былые времена,
Жених с невестой, поклонясь друг другу,
Из общей чарки выпили вина.
И вспоминали, как их путь был долог,
А к ночи дом родительский затих,
И в полночь шёлковый закрылся полог,
И свет лампады озарил двоих.
Казалось, что любовь им путь открыла,
Пчела нашла заброшенный цветок.
И тут Киеу вдруг заговорила,
Напомнила полученный урок:
«Потерянная женщина – дурная,
Но я любовью прежней дорожу.
На Вашу ласку лаской отвечая,
В душе я только стыд и нахожу.
И если поддадимся пошлой силе,
Увядшие цветы поднимем вновь,
То будет слышен только запах гнили,
И в ненависть перерастёт любовь.
А если Вы хотите породниться,

На то есть в доме младшая сестра.
Во мне чиста лишь малая частица,
Играть моим цветком прошла пора».
Ответил Ким: «Мы повстречались снова,
И всей душой люблю, как прежде, Вас.
Пусть даже Ваша речь звучит сурово,
Я уважаю твердый Ваш отказ.
Кто мог подумать, что не всё пропало,
Что мы друг друга выручим из тьмы?
Пусть не соединит нас одеяло,
Но дружбою соединимся мы».
Тогда Киеу в землю поклонилась.
Она Всевышнему долг отдала
И так сказала Киму: «Божья милость
Словами Вашими мне честь спасла».
Они друг друга за руки держали,*
Их волновала прошлая судьба.
Вино они друг другу предлагали,
И Ким спросил Киеу о тиба.
Та отвечала: «Шёлковые струны
Меня вводили много раз в обман.
Но другу верному девицы юной
Ещё раз подчиню я нотный стан».
И беглым пальцам струны покорились,
Дым благовоний стены облетал,
И песни, словно солнца свет, явились.

Тиба их звуки стройно сочетал.
И вот уже напев укоренился,
Звучала песня об учёном Шинь[1].
Он бабочкою сам себе приснился,
А поутру попробуй сон покинь.
О царстве Тхук[2] была другая песня.
Царь превратился в птицу-пастушка,
Всю ночь кричал он на весь мир окрестный,
Что новая весна так коротка.
И были звуки жемчугу подобны,
И ласковы, как бисер, как нефрит.
Все пять ладов союз блюли беззлобный
И сердце избавляли от обид.
Воскликнул Ким: «Всё то же, та же сладость
И тех же струн согласная игра!
Но что причиной – внутренняя радость
Или сама отрадная пора?»
Киеу отвечала: «Есть искусство,
Но эта пьеса натворила бед.

[1] В оригинале – Чанг Шинь, то есть Чанг Ты, русская транскрипция – Чжуан-цзы (около 369–286 до н.э.), древнекитайский философ, один из основателей даосизма.

[2] Имеется в виду древнекитайское царство Тхук (русская транскрипция Шу - 蜀) периода Сражающихся царств (с V века до н. э. по 316 год до н. э). По преданию, после потери престола шуский царь Ду Ю превратился в птицу-пастушка и день и ночь своим печальным криком тосковал об царстве, а по другой версии – об уходящей весне.

Она больное вызывала чувство
И людям наносила тяжкий вред.
В последний раз для Вас её играю,
Вас не коснутся горе и беда.
А кончив пьесу, струны я спускаю
И больше их не трону никогда».
Тут петухи за окнами запели.
Ким о беседе рассказал своим.
Родные в похвалах не оскудели,
Киеу дорога была родным.
Её хвалили все за добродетель,
За целомудрие, за доброту,
За мужество, чему весь мир свидетель,
За чистую любовь, за красоту.
Пусть Ким с Киеу не делили ложе
И ласками не услаждали плоть,
Духовный их союз им был дороже,
Он нечисть помогал им побороть.
Они вдвоём то в го играли дружно,
То наслаждались чаркою вина,
То созерцали лунный диск окружный,
И дружба, как любовь, была сильна.
Потом, как Жак Зуен и обещали,
Буддийский храм построили в саду,
И за монахиней людей послали:
Переселиться к ним и жить в ладу.

Но в храме, где монахиня служила,
Ворота оказались заперты.
И крышу наглухо трава покрыла,
И вырос мох до полной густоты.
Она, должно быть, отбыла куда-то
Лекарственные травы собирать.
Осталось ожидать её возврата
И в честь её лампады зажигать.
В семействе Кима был теперь достаток,
Ким набирал чины из года в год.
В делах домашних Ван вела порядок,
Во всём разумный видела расчёт.
И умножала древо родовое,
И люди видели в своём краю
Благой пример и зрелище благое:
Богатую и знатную семью.
И это был прекрасный сад весенний,
Желанный рай для каждого цветка,
Достойный неподдельных прославлений
И памяти бессмертной на века!

*

* *

Подумаем: на всё есть воля Неба.
И этой воле мы должны служить,

И должен нищий голодать без хлеба,
А благородный в благодати жить.
Бесстрастно Небо и велит трудиться.
Живут талант и счастье вразнобой.
Своим талантом не спеши гордиться
И помни, что талант чреват бедой.
Мы карму собственную не заменим,
Как создали, так и живём мы с ней.
Талант в себе мы безоглядно ценим,
Но наше сердце раза в три ценней.
Конец рассказу вижу я воочью.
Он неказист, и многословен он.
Но пусть людей он позабавит ночью,
В сторожевое время[1] всех времён.

КОНЕЦ

2014–2015 г.

[1] Речь идет о ночном времени, когда на сторожевых вышках городской крепости дежурили воины и отбивали определённый час барабанным боем.

TRUYỆN KIỀU

Đoạn trường Tân Thanh

I

Trăm năm trong cõi người ta,
Chữ tài chữ mệnh khéo là ghét nhau.
Trải qua một cuộc bể dâu,
Những điều trông thấy mà đau đớn lòng.
Lạ gì bỉ sắc tư phong,
Trời xanh quen thói má hồng đánh ghen.

Bắt phong trần phải phong trần,
Cho thanh cao mới được phần thanh cao.
Có đâu thiên vị người nào,
Chữ tài chữ mệnh dồi dào cả hai,
Có tài mà cậy chi tài,
Chữ tài liền với chữ tai một vần.
Đã mang lấy nghiệp vào thân,
Cũng đừng trách lẫn trời gần, trời xa.
Thiện căn ở tại lòng ta,
Chữ tâm kia mới bằng ba chữ tài.
Lời quê chắp nhặt dông dài,
Mua vui cũng được một vài trống canh.

Содержание

Предисловие 5
Великий вьетнамский поэт Нгуен Зу и его поэма «Киеу» 11

Киеу (Стенания истерзанной души) 35
Truyện Kiều (Đoạn trường tân thanh) 211